

АБИССИНЕЦ 7

1890

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ ♦ СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

Сергей Насоновский
Сергей Щербатых
Абиссинец 1890. Том 7
Серия «На краю Империи (С.
Насоновский, С. Щербатых)», книга 7

*<https://litres.ru/74410202>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году.

Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились.

Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века.

Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории.

Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ.

Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

Содержание

Глава 1. Троянский конь	5
Глава 2. Серебряная ложка	33
Глава 3. Власть меняется	54
Глава 4. Мечты будущего генерала	71
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых Абиссинец 1890. Том 7

Глава 1. Троянский конь

До станицы оставалось верст восемь, когда мне пришлось придержать Беркута. Пальцы правой руки вдруг странно дрогнули. Я снял рукавицу, несколько раз сжал и разжал кулак, хорошенько растер ладонь и подождал, пока меня отпустит.

После ночного ритуала Пассы, или как там все произошедшее обозвать, тело еще не пришло в себя. Перед глазами больше не мелькали картины из другого мира, в ушах не отдавались удары старика в бубен. Но стоило прикрыть глаза, как мысли пускались в какой-то безумный хоровод.

Вчера, когда мы расставляли на схеме охрану тракта при проезде губернаторского поезда, мне казалось, что двоих у сопки хватит. Теперь было ясно: скрытно посадить там людей не выйдет. Без маскировки они будут как на ладони.

Я отогнал эти мысли. Сперва надо добраться домой, а к полудню явиться к Овсянникову.

У въездного поста заметил Минюхина еще шагов за сто.

Его темная фигура хорошо выделялась на снегу даже в потёмках при лунном свете. Пока Петр выходил из караулки и поднимал фонарь, я уже успел прикинуть, с какой стороны обошел бы пост, окажись на месте неприятеля.

— Никак Громов? Рано ты.

— Скорее поздно.

— Из гасяна?

— Угу, оттуда.

Минюхин посветил мне в лицо, спросил, не встречал ли чужих на зимнике, и лишь потом подозвал дежурного ветеринарного ученика. Тот ощупал Беркуту ноги, заглянул в ноздри и велел провести коня шагом.

— На вид здоров. Но раз из гасяна вернулся, до утреннего обхода поставь отдельно.

Минюхин сделал отметку в журнале и поднял жердь.

— Проезжай, Андрей.

Петр отступил с дороги, а я направил Беркута дальше.

Станица еще спала. Лишь над несколькими куренями уже тянулся дым, и встретились трое верховых, что видать собирались в ранний разъезд.

Сначала хотел ехать к крестному. Беркута я по-прежнему в основном держал у Кравцовых. Но будить весь дом спозаранку не хотелось, да и до осмотра коня все равно следовало ставить отдельно. Правила эти не просто так придумали.

Поэтому свернул к станичной конюшне.

Дежурный конюх Иван Игашов сидел в сторожке возле

маленькой железной печурки и, судя по лицу, совершенно не обрадовался раннему гостю.

— Здорово ночевал, Иван.

— Слава Богу. Ты чего это, Громов?

— Беркута до утра примешь? Только в отдельный денник.

На посту велели дожидаться утреннего осмотра.

Он выглянул наружу, узнал коня и кивнул.

— А чего не принять? Денник свободный есть.

Я расседлал Беркута, растер ему спину жгутом соломы и проверил ноги.

— Воды сразу много не давай, — попросил я.

Игашов посмотрел с укоризной.

— Чай, не первый день возле лошадей хожу.

— Тогда и овса немного.

— Иди уже домой, командир выискался.

Я усмехнулся, хлопнул Беркута по шее и вышел.

На улице понемногу светало. Лампу в нашем окне увидел еще издали. Саша сдержала-таки обещание и оставила ее гореть на всю ночь.

Поднялся по ступеням и толкнул дверь. Заперто. Постучал, сперва негромко, потом сильнее. За дверью послышались шаги. Засов глухо стукнул, и на пороге показалась Саша. Поверх ночной рубахи она на ходу запахивала теплую кофту, растрепавшаяся коса лежала через плечо.

Несколько мгновений Саша просто смотрела на меня.

— Андрей... Ну слава Богу, дождалась. Заходи скорее, не

то холоду напустишь.

Я шагнул в сени. Саша задвинула засов и оглядела меня с головы до ног.

— Целый?

— Целый. Чего мне станется?

— А Беркут где?

— В станичной конюшне оставил. Игашов приглядит, утром еще раз осмотрят.

Она коснулась моей правой руки.

— Замерз?

— Есть немного.

Саша пошла к печи. Дрова в ней почти прогорели, но жар еще держался. Она пошевелила угли, подбросила несколько поленьев и поставила греться воду.

— Как все прошло? — спросила она.

Я сел возле стола и потер лицо ладонями.

— Хорошо. Много нового узнал.

— Ну и ладно. Сейчас вопросами одолевать не стану, потом расскажешь.

— Угу. Меня к полудню Овсянников ждет.

— До полудня время есть, но тебе и поспать надо.

Саша поставила передо мной кружку чая и отрезала ломоть хлеба.

— Кашу греть?

— Не надо, чаю хватит, благодарствую.

— С дороги и на одном чае?

— Саша, я усну быстрее, чем ты кашу достанешь.

— Вот потому и поесть надо, чтобы силы были.

Пока она грела кашу, я достал из ящика лист бумаги и записал, чтобы не запамятовать: «У сопки третьего чуть в стороне. Маскировка».

Саша поставила на стол миску.

— Что пишешь?

— Да так. Надо не забыть, кой-чего Глебу Маркеловичу сказать.

Я достал часы, глянул и вздохнул.

— Разбудишь в десятом часу?

— Добре, в десятом так в десятом. Ежели водой колодезной оболью, не серчай. Тебе после бессонной ночи хоть из пушки возле уха стреляй.

— Что хочешь делай, но к полудню я должен быть в правлении.

Кое-как доел кашу, разделся и лег. Не помню даже, успели укрыться одеялом.

Проснулся оттого, что Саша трясла меня за плечо.

— Ан-дре-ей... Андрей! Вставай!

Я открыл глаза и некоторое время смотрел на нее, не понимая, где нахожусь. В горнице уже было светло.

— Десятый час?

— Ага. Самовар готов, иди умывайся.

Я сел и прислушался к себе. Выспаться, конечно, не успел, но тело, кажись, пришло в порядок. После плясок с бубном

и то хлеб.

Через четверть часа уже одевался. Выпил еще кружку чая, сунул записку за пазуху и снял с крюка пояс с кобурой.

Саша проводила меня до сеней.

— Андрей.

— Ась? — обернулся я.

— Ты сегодня хоть пораньше вернись.

— Постараюсь, но не обещаю.

Станица давно проснулась. По улице тянулись сани и розвальни с сеном. Возле конюшни ветеринарный ученик осматривал лошадей, в правлении вовсю топили печь.

Парамон еще не вернулся из Венюково, поэтому Глеб Маркелович сидел в кабинете один и сам разбирал рапорты. Увидев меня, он отложил бумагу и глянул на часы.

— Быстро, однако, управился.

— Старался.

— Новости от шамана есть?

Я рассказал, что Пасса советовал особенно внимательно проверять свежие пью, когда в расчет за товар отдавали право пользоваться охотничьими угодьями. Именно промыслы сейчас почему-то больше всего интересовали китайских купцов.

Глеб Маркелович еще раз переспросил про угодья и сделал пометку.

— Добре. С этим разберемся.

Он отложил перо и присмотрелся ко мне внимательнее.

— Ты чего такой помятый? Не спал, что ли?

— Почти. Пару часов удалось покемарить.

— Для молодого и этого достаточно, отдохнуть успеешь.

А пока садись за стол Парамона, бери рапорты и разбирай. Сам знаешь, что к чему.

— Сейчас. Только еще одно дело есть.

Я достал сложенный лист.

— Давай. Что там у тебя?

— Глеб Маркелович, дайте вчерашнюю схему постов глянуть.

Овсянников нахмурился.

— На тебя там что, у Пассы озарение снизошло?

— Можно и так сказать. Пока ехал, понял, что кое-чего мы не учли.

— Мы?

— Я в первую очередь. Расстановку-то предлагал я.

Глеб Маркелович несколько секунд смотрел на меня, потом достал из ящика вчерашнюю схему. Я развернул ее на столе и нашел изгиб Уссури у сопки.

— Ну, показывай, чего теперь не нравится.

— Вчера решили поставить здесь двоих. Этого мало. Но если третьего выставить рядом, любой соглядатай заметит сначала его, а потом и остальных.

— Секреты мы и без тебя ставить умеем, Громов. Самый головастый, думаешь?

— Знаю. Только весь пост прятать не предлагаю. Двое

пусть остаются на виду, а третьего посадим чуть в стороне, для прикрытия.

Овсянников снова посмотрел на схему.

— Кто решит обойти эту пару, выйдет на третьего?

— Именно.

Дверь открылась, и на пороге появился крестный. Степан Анисимович держал список сменных лошадей. Увидев меня, на миг удивился.

— Уже вернулся, Андрей?

— Слава Богу, Степан Анисимович. Перед рассветом прибыл.

— Беркут где?

— В станичной конюшне. Не стал вас среди ночи будить.

— Ну и зря. Матушка с ночи чугушки в печь ставила, все одно вполглаза спали.

Крестный положил список на край стола, увидел развернутую схему и задержался.

— А это вы чего с утра пораньше затеяли?

Овсянников хмыкнул.

— Андрей говорит, охрану нашу слишком хорошо видать.

Что есть она, что нет.

Степан Анисимович посмотрел на меня.

— А ее невидимой сделать предлагаешь?

— Частично.

— Ну тогда рассказывай, что опять удумал.

Крестный подтянул к столу стул. Я провел пальцем вдоль

Уссури.

— Если кто-то и вправду захочет добраться до Павла Федоровича, наобум не полезет. Сначала осмотрится. Может, сам по реке пройдет. Может, пошлет видака, на которого никто не подумает. А может, уже сегодня издали наши берега изучает.

— И чего увидит? — спросил крестный.

— То же, что вчера увидели мы. Вот пост, тут разъезд, там двое у выезда на лед. За час можно на бумаге нарисовать всю нашу расстановку. А если надо пройти незаметно, полезут промеж постов.

Овсянников прищурился.

— Для того посты друг друга и прикрывают.

— Верно. Только противник тоже может знать, кого и где обходить.

Крестный потер подбородок.

— И чего предлагаешь? Всех станичников в сугробы закопать?

— Не всех. Видимые посты надо оставить. Если враг будет изучать нашу расстановку, ему надо показать только часть.

Оба посмотрели на меня.

— Как стояли, так и стоят. Пусть их будет видно.

— Не понял, — сказал Овсянников.

Я взял карандаш и поставил вторую отметку выше первой.

— А третьего наблюдателя посадить вот здесь, в стороне. Чтобы видел сам пост, подходы к нему и место, откуда удоб-

но выйти к реке. Только с Уссури его быть видно не должно.

Степан Анисимович хмыкнул.

— Так это бикет с засидкой. У нас на Кубани пластуны ты такое часто в плавнях устраивали. Но тут, — ткнул он пальцем в схему, — кого не посади, на белом снегу и за полверсты разглядишь.

— Поэтому надо замаскировать.

— Твоя белая справа? — понял первым крестный.

— Она самая.

Овсянников вопросительно посмотрел на него.

— Какая еще справа?

— Андрею Саша еще осенью сшила, — пояснил Степан Анисимович. — Белая верхняя рубаша с капюшоном, такие же штаны, серые пятна. Поверх полушубка надевается. Вид чудной, конечно.

— Нам в ней не на ярмарку идти, — сказал я.

— Это верно, — усмехнулся крестный.

— Винтовку тоже надо обмотать белыми полосами, только затвор, прицел и дуло оставить открытыми.

Глеб Маркелович постучал карандашом по изгибу реки.

— Допустим. Но следы к секрету на снегу видны будут. И как людей сменять? На холоде один, как его ни замаскируй, долго не просидит.

— Заводить с тыла, пока по реке идет обычный разъезд. Где получить, двигаться надо по старым следам.

— У островка можно пройти по тальнику, — кивнул

крестный. — Там и снег пятнами, и с зимника открывается не весь берег.

— Сколько людей надо? — спросил Овсянников.

— Для начала три места. По одному человеку в секрете и еще трое на смену. Вывести их за несколько часов до прохода губернаторского поезда.

— Старшие видимых постов должны знать, с какой стороны их прикрывают, — добавил крестный. — И условный сигнал определить. А точное место секрета им без надобности.

Глеб Маркелович еще немного посмотрел на схему и свернул ее.

— Добре. Но без Албазова, Гордеева и Огородника участки перекраивать не стану.

Он вышел в коридор, велел дежурному вызвать всех троих, а вернувшись, добавил:

— После обеда проверим место возле изгиба. Если ваша белая справа чего-нибудь стоит, к вечеру определимся.

Губернаторский поезд ожидали через два дня. Терять время было нельзя.

Через полчаса в кабинете уже не хватало стульев. Албазов с Гордеевым посыльный вернул с утреннего осмотра западной дороги, Огородника вытащили прямо от Юдинцева. Овсянников показал новые отметки на схеме и коротко объяснил задумку.

Албазов взялся предупредить старших на постах. Гордеев

стал обозначать сектора, чтобы при стрельбе из секрета не ударить по своим. Огородник предложил два подхода с тыла. Крестный прикинул, сколько понадобится людей и сменных лошадей. Овсянников выслушал всех и распорядился:

— На бумаге вроде все понятно, так что после обеда идем на реку.

Почти до самого выхода я разбирал рапорты. Потом сходил за Беркутом, забрал из дома свою маскировочную справу и винтовку.

Возле зимника, прямо у изгиба реки, поставили Меренского в темном полушубке и папахе. Я поднялся выше по склону, надел маскировку поверх одежды, обмотал белой тканью винтовку и по ельнику добрался до поваленного ствола.

Лег возле куста и натянул капюшон так, чтобы лицо было в тени.

Овсянников, крестный, Албазов и Гордеев вышли на лед. Меренского нашли сразу. Потом Глеб Маркелович поднял зрительную трубу и медленно повел ею по склону.

Я не двигался.

Прошла минута, за ней другая. Дважды труба задерживалась на мне, но всякий раз скользила дальше. Наконец Овсянников опустил ее и что-то сказал крестному.

Вот тогда-то я и поднялся.

Степан Анисимович присвистнул, а Глеб Маркелович снова вскинул трубу.

— Теперь вижу, — сказал он, когда я спустился на лед. — Ствол, кусты и серое пятно возле них. Пока ты не шевельнулся, я совсем не разобрал.

Крестный кивнул на Меренского.

— Саню зато и без трубы видать.

— На то он там и стоит, — ответил Овсянников.

Глеб Маркелович повернулся к Албазову и Гордееву.

— Три места, как и говорили: у изгиба, возле протоки и на островке. Старую гать не трогаем, там прежнего распорядка хватит. Людей подберите к вечеру.

— А белые sprawy у Андрея всего две, — сказал крестный.

— Да, еще четыре нужны, — сказал я. — Выкройки у Саши остались.

— Пусть возьмет помощниц, — распорядился Овсянников. — За работу из станичной кассы рассчитаемся.

Саша выслушала нас, развернула старые выкройки и сразу позвала трех помощниц: Пелагею Александровну, Нюрку и вдову Звягину.

— К утру четыре простых комплекта сошьем. Только людей сейчас приводите, мерки снять надо.

К вечеру в нашем доме уже работали вчетвером. Белую бязь принесли из лавки, небеленый холст из станичного запаса.

Мы с Семеном тем временем занялись первой тройкой. Мои маскировочные sprawy переходили от одного к друго-

му, зато ошибки каждого разбирали сразу.

С первого раза особо не выходило. Меренский улегся на открытом склоне, и его выдала тень. Медведовский слишком часто вертел головой. Бортеньева сразу раскрыла темная винтовка на белом снегу, будто он нарочно выставил ее напоказ.

Рыжий ругался больше всех.

— Ты чего стволом машешь? Замерз, пальцами в рукавице шевели. Ежели встанешь, все будет зазря. И на открытое место не лезь. Вон куст, вон валежина. Снег тебе не простыня, чтобы посреди него раскладываться.

Через час дело пошло лучше. Огородник показал, как проходить с тыла к точкам наблюдения. Гордеев обозначил каждому сектор стрельбы, если что, Албазов проверил сигналы и пути отхода. До темноты всех по очереди еще раз посадили в секрет. Углядеть смогли лишь одного, да и то потому, что тот слишком рано поднял голову.

Албазов велел первой тройке подниматься, когда Рыжий вдруг ухватил меня за рукав.

— Андрюха, глянь-ка. На той стороне кто-то есть.

Я обернулся и увидел, как из тальника на китайском берегу выбрался человек. Он сделал несколько неуверенных шагов, остановился перед рекой и медленно двинулся на лед.

— Всем стоять, — тихо скомандовал Албазов.

Человек шел прямо к нам. Иногда его заносило в сторону. На окрики тот не ответил.

— Стой! — еще раз гаркнул Гордеев. — Кто таков?

Незнакомец поднял руку, показывая, что услышал. Сделал еще два шага, споткнулся и упал на колени.

Семен перекинул винтовку за спину.

— Да он сейчас носом в лед зароется.

Добре, сходите осторожно гляньте, мы прикроем, — сказал Албазов.

Рыжий направился к незнакомцу, я пошел следом, держа «Ли-Метфорд» наготове. С другой стороны, приблизился Гордеев.

Человек попытался подняться. Он качнулся вперед, и Семен подхватил его под мышки.

— Тихо, братец, тихо.

На незнакомце был китайский ватный халат, изорванный на плече, перехваченный бечевкой вместо пояса. Широкие штаны покрыты ледяной коркой почитай до колен. Один сапог держался на ноге, вторая обмотана тряпьем.

Лицо почти полностью скрывала спутанная борода, покрытая инеем. Глаза заплыли, губы потрескались. На щеках и носу проступили белые пятна.

Гордеев ощупал его с боков.

— Оружия нет.

— Слышишь меня? — Я присел рядом. — Ты кто?

Незнакомец с трудом разлепил веки. Некоторое время смотрел прямо на меня, но, похоже, ничего не видел.

— Лон... ча...

Говорить пытается на русском.

— В Лончаково шел? — переспросил я.

Губы снова шевельнулись, но звука не вышло. Голова упала Семену на плечо.

Рыжий прижал пальцы к его шее.

— Живой. Только еле дышит.

— Розвальни сюда подгоняйте! — распорядился Албазов.

Меренский рванул и через несколько минут подогнали розвальни. Незнакомца осторожно уложили на сено и укрыли овчиной.

Семен сел рядом, придерживая, чтобы того не растрясло на ухабах.

— Давай, Саня, трогай.

Меренский взялся за вожжи.

Возле дома Юдинцева Рыжий сам поднял незнакомца и внес в сени. Роман Васильевич вышел навстречу, глянул на нашу ношу и распахнул дверь в дальнюю комнату.

— На лавку кладите, подальше от печи!

— Замерз он совсем, — сказал Семен.

— От резкого тепла ему хуже станет. Полость эту оставьте. Обувку не трогайте, я сам справлюсь.

Юдинцев осторожно приподнял веко незнакомца, послушал дыхание и приложил пальцы к шее.

— Где нашли такого бедолагу?

— С китайского берега через реку шел, — ответил я. — Сказать ничего не успел.

— Давно на морозе?

— Не успели узнать, он сознание потерял.

— Воды теплой принесите, а потом ступайте. Как очнется, сам позову.

Албазов оставил возле дома часового, а сам отправился доложить Овсянникову о неизвестном, перешедшем границу. Остальным велел расходиться.

Наутро к двум старым комплектам белой sprawy прибавились четыре новых. Саша велела каждому примерить свой прямо во дворе и на месте переделала две завязки.

— Вернете целыми, — предупредила она. — По кустам мне их не растреплите.

Весь следующий день людей учили в стороне от будущих секретов: отрабатывали скрытное передвижение и условные сигналы. Точные места и пути подхода знали только старшие. Назначенная на день проезда смена должна была выйти за пару часов до появления поезда. Обычные посты и разъезды оставались на прежних местах.

Пока одни готовились ко встрече, остальные шерстили тайгу и дороги. До вечера ничего опасного не нашли. Во всяком случае, так нам казалось.

Двух китайских торговцев из Венюково проверили и отпустили: бумаги оказались в порядке.

Одному промысловику повезло меньше. Он уверял, что оставил разрешение на промысел в зимовье, и предлагал хоть сейчас послать с ним казака за тридцать верст. Ружье у

него отобрали, а самого до выяснения посадили в холодную.

Еще одного задержали возле старой гати. Назвался он Степаном Ефимовичем Коробовым и работал на Копыловской заимке. Там ему задолжали за три месяца, документ забрал приказчик, а когда Степан потребовал расчета, велели ждать весны. Коробов ждать не стал и смылся ночью.

Рассказ мог оказаться правдой, но одного слова было мало. Овсянников отправил запрос в Козловскую, а рабочего до поры велел посадить к промысловнику.

— До ответа из округа и прохода губернаторского поезда никого из задержанных наружу не выпускать, — распорядился он. — Даже если родная мать за ним придет.

Последней на посту задержали женщину. Лет ей было то ли пятьдесят, то ли все шестьдесят. Маленькая, сухая, согнутая, в старом овчинном полушубке и огромном пуховом платке, из которого торчал один красный нос. За плечами узел, в руке палка.

До правления она шла медленно и успела пожаловаться и на ноги, и на хозяина дальней заимки.

Там она, по ее словам, стряпала для рабочих и стирала белье. Осенью обещали по три рубля в месяц с харчами, но сперва кормили обещаниями, а теперь приказчик объявил, что расчет будет, когда реки вскрыются. Выбраться ей удалось утром. В Лончаково она направилась потому, что здесь будто бы жила дальняя родня покойного мужа.

Овсянников поднял голову.

— Погоди. С какой, говоришь, заимки?

— С Копыловской, батюшка. За старой гатью она.

Крестный покосился на Овсянникова. Тот велел привести Коробова. Через несколько минут рабочего ввели под караулом.

Женщина уставилась на него.

— Степка!

Коробов остановился на пороге.

— Федосья Матвеевна? Ты тоже выбралась?

— Наговориться успеете, — оборвал их Овсянников. — Кто на заимке хозяйничает?

— Приказчик Буров Ефрем Савельевич, — ответил Коробов. — Заимка хабаровского купца Гаврилы Фомича Копылова, только самого хозяина мы почитай с лета не видали.

— Что там делаете?

— Лес валим, бревна таскаем. Их на брус да доску пилят. С весны два сруба поставили, амбар и ограду.

— Сколько работников?

— Мужиков десятеро было. Еще Федосья Матвеевна на кухне.

— Девять теперь, — сказала женщина.

Овсянников посмотрел на нее.

— Значит, скоро и остальные потянутся?

— Кабы могли, давно бы ушли. У мужиков документы Буров забрал, а за харчи, одежду да инструмент каждому долг пишет. На делянку всей артелью водят, по одному за воро-

та не пускают, на ночь рабочий барак запирают снаружи. Теперь после нас двоих он и вовсе всех за забором удержит. Уж не знаю, как остальные выберутся.

— А вы как ушли?

— Меня к ключу белье полоскать выпускали. Кто ж подумает, что старая баба в мороз по тайге уйдет? Я узелок свой с харчами среди белья спрятала, за тальник свернула и пошла.

— Я через забор перелез, — добавил Коробов. — Там снегу почти до верхнего края намело.

Лицо Овсянникова помрачнело.

— Хороший порядок этот Буров завел. Людей нанял, денег не платит, документы забрал, на ночь запирает.

Он велел позвать Албазова. Тот выслушал обоих.

— Знаю эту заимку. С весны там строятся и лес рубят. Дважды заходили. Разрешение Буров показывал, с виду все чинно было.

— С рабочими без него говорили?

Албазов помолчал.

— Нет.

— В следующий раз поговоришь. Сегодня пошлешь двоих посмотреть издали. После прохода губернатора возьмешь пятерых и проверишь все как следует: где документы, откуда взялись долги и на каком основании людей запирают. Чай, крепость давно отменена. Запрос в Козловскую дополнить именами Копылова и Бурова. Если еще кто оттуда выйдет, сразу вести сюда.

Овсянников кивнул караульному.

— Коробова обратно. До ответа из Козловской и губернаторского проезда из холодной не выпускать. Порядок для всех один.

Когда дверь за рабочим закрылась, Овсянников снова повернулся к женщине.

— Теперь про родню.

Она назвала Звягиных. За Настасьей Павловной послали мальчишку. Вдова пришла сердитая, долго всматривалась в женщину, но никакой родственницы с таким именем не помнила.

— Так я ж через мужа, — не смутилась та. — Лешка-то мой вашему покойному троюродным братом приходился. Они еще на Амуре вместе служили, лет двадцать назад. Может, он вам обо мне и не рассказывал.

— Не знаю, не знаю, — проворчала Настасья Павловна. — Всех разве упомнишь.

Бумага у женщины имелась. Старая, затертая на сгибах, возраст и приметы сходились.

Крестный снял с ее плеча узел и развязал на краю стола. Внутри лежали две смены белья, чулки, полотенце, деревянный гребень, моток ниток с игольником, хлеб, кусок сушеной рыбы и жестяная кружка.

Женщина сама развернула белье, вытряхнула чулки и показала зашитый угол полотенца. Там оказались три серебряные монеты.

— Все мое богатство, батюшки. Хоть пересчитайте.

Потянувшись через стол за гребнем, женщина прижалась правым боком к краю. Под полушубком что-то коротко и твердо стукнуло о доску.

Она охнула и прижала ладонь к боку.

— Ребра застудила. Дышать больно, прости, Господи.

Крестный подвинул ей табурет, а Овсянников снова взял бумагу в руки.

— До завтрашнего проезда из станицы не уходить. На реку и к постам не соваться. После если хочешь, то тут работу ищи, а хочешь, дальше ступай.

Женщина перекрестилась.

— Да куда я, батюшка, пойду? Ноги вон отваливаются.

Овсянников посмотрел на Звягину. Та сразу поняла, чего от нее хотят, и уперла руки в бока.

— У меня своих трое да мать старая. Куда я ее дену?

— До завтра, Настасья Павловна, — сказал Овсянников.

— Харчи из станичного запаса выпишем.

Вдова тяжело вздохнула.

— Добре. Пошли давай. У печи постелю.

Женщина опять перекрестилась, поблагодарила Овсянникова, крестного и Звягину. Потом собрала вещи, взяла палку и, тяжело ступая, вышла вслед за вдовой.

На том проверка закончилась.

До темноты мы еще раз осмотрели места будущих секретов, чуть сместили подход у протоки и проверили резервных

лошадей. Потом вернулись в правление. Овсянников выслушал доклады и наконец отпустил нас по домам.

Я уже натягивал рукавицы, когда дверь распахнулась и в кабинет вошел Юдинцев.

— Глеб Маркелович, обождите расходиться. Дело есть.

Овсянников снова опустился на стул.

— Что еще стряслось?

— Мужик очнулся, ну которого на реке подобрали.

Рыжий, застегивавший полушубок, замер.

— Рассказал, кто таков? — спросил крестный.

Юдинцев посмотрел сначала на него, потом на Овсянникова.

— Назвался Петром Дорохиным.

В кабинете стало тихо, крестный медленно опустил рукавицы на край стола.

— Каким Петром? Петром Дорохиным?

— Да, Нюркиным Петром, — ответил Юдинцев. — Му-жем ее.

Овсянников привстал.

— Ты уверен, Роман Васильевич?

— Я его не по бороде признал. Голос услышал. Потом осмотрел как следует. У него под левой ключицей старый рубец. Я сам этот рубец зашивал когда-то. Да и назвал он всех: Серафиму, Анну, атамана Огородника. Это точно Петр.

— Его же лет пять как погибшим уже считали, — произнес крестный.

— Знаю. Потому и пришел, прежде чем по станице слух пойдет.

Я посмотрел на Семена. Он стоял возле двери, не двигаясь.

Овсянников провел ладонью по лицу.

— Откуда он взялся? Как на китайском берегу оказался?

— Не знаю. Два слова скажет и снова проваливается в беспамятство. Спрашивать сейчас нельзя. До утра окрепнет, тогда и поговорите.

— Жить он будет?

Юдинцев помедлил.

— Обморожение сильное, особенно ноги. Истощен. Но сердце крепкое. Если ночью хуже не станет, вытащим.

— Нюрке уже сообщили? — спросил крестный.

— Нет. Вот и пришел посоветоваться. Сказать надо сегодня. Утром вся станица знать будет.

— Я скажу, — произнес Рыжий.

Все повернулись к нему.

Семен встретил наши взгляды спокойно.

— Анне Григорьевне, — пояснил он. — Я сам скажу.

— Ты хорошо подумал? — спросил крестный.

— А чего тут думать, Степан Анисимович? Муж у нее вернулся. Не от чужих же баб ей такое узнавать.

Ни усмешки, ни привычного озорства в его голосе не было.

Овсянников долго смотрел на него, затем кивнул:

— Ступай, но постарайся её пока к Роману Васильевичу не вести, пока он сам не скажет, когда проведать можно.

— Понял, — кивнул Рыжий и вышел.

Потом Юдинцев направился к двери.

— Мне возвращаться надо. Ежели что изменится, то дам знать.

Мы с крестным вышли следом. Саша встретила меня в сенях.

— Наконец-то. Я уж думала, опять до ночи продержат. Что ты такой?

Я снял полушубок и повесил на крюк.

— Помнишь, Нюрка про своего Петра рассказывала?

Саша перестала поправлять фитиль в лампе.

— Про мужа?

— Про него.

— А что случилось?

— Вернулся он.

Она несколько мгновений смотрела на меня, словно не поняла сказанного.

— Как вернулся?

— Тот самый человек, которого мы на реке подобрали. Юдинцев его признал.

— Живой? — перекрестилась Саша.

— Пока живой. Сильно обморожен, еле говорит.

— А Нюра уже знает?

— Семен пошел ей сказать.

— Господи... — Саша опустилась на лавку.

— Вот такие дела. — сел я рядом.

— Она ведь Петра давно оплакала. Почитай новую жизнь начала.

Саша еще раз перекрестилась.

— Дай им всем Бог сил.

Некоторое время мы молчали. Потом она поднялась и поставила передо мной ужин. Когда я немного поснедал, спросила:

— Как справа себя показала, сшитая за ночь?

— Отлично, Саша! Все шесть комплектов пойдут в наряд.

— Стало быть, не зря торопились.

Я улыбнулся. Бессонная ночь у Пассы и два дня почти без передышки дали о себе знать. Я прилег и сразу отключился.

Проснулся от жажды. Нашупал на табурете кружку с водой и спросонья стукнул ею о край кровати.

— Что такое? — начала подниматься Саша. — Чего стучишь, не спится?

— Да нет, воды попить. Ложись, любимая.

Я поднес кружку к губам, но рука замерла. Вот точно такой же стук сегодня звучал в правлении.

Поставил кружку обратно, сон как рукой смело. Прикрыл глаза и вспомнил стол Овсянникова, раскрытый узел и жестяную кружку возле чернильницы.

Федосья Матвеевна тогда потянулась за гребнем, прижа-

лась правым боком к краю, и под полушубком что-то ударило о доску. Тогда никто из нас не обратил особого внимания.

Я сел на кровати и тряхнул головой. Табакерка, нателеный складень, какая-нибудь бабья мелочь. Что угодно. Сам по себе звук ничего не доказывал.

Бумаги ее проверил Овсянников, узел перебрал крестный. Женщина даже показала деньги, зашитые в полотенце.

Но ее саму никто обыскать не стал.

Может, я напраслину возвожу и привязался из-за этого стука. Скорее всего, так и есть. Коробов узнал ее, назвал по имени, подтвердил рассказ о Копыловской заимке, Бурове и запертых воротах.

И все же другая мысль не отпускала. На реке слепые места мы закрыли, а главная опасность могла уже находиться прямо здесь, в Лончаково.

До прохода губернаторского поезда оставалось меньше суток. Я спустил ноги с кровати и нашарил сапоги.

Саша заворчалась.

— Андрей?

— Отдыхай покуда. Рано еще, мне ненадолго надо.

— Куда?

— К атаману.

— Случилось чего?

— Случилось, Саша. Похоже, троянского коня мы в ста- ницу впустили.

— Какого еще коня? Беркута? — округлила глаза она, а я

понял, что опять память Добрецова выдает неизвестные мне ранее слова.

— Нет, кабы его... Спи давай, Сашенька. Я скоро.

Глава 2. Серебряная ложка

До дома Овсянникова я добежал за несколько минут.

В окнах было темно. Я поднялся на крыльцо и постучал.

Сначала негромко, потом сильнее. Залаяла собака.

— Кто там? — донесся наконец сонный голос.

— Это Громов. Глеб Маркелович, откройте, дело срочное.

Засов отодвинулся не сразу. Овсянников стоял на пороге в рубаше и накинутой на плечи шинели. В одной руке держал керосиновую лампу, в другой сжимал револьвер.

— Громов, твою за ногу! Ты время видел?

— Видел.

— Тогда говори быстро. Неужто пожар?

— Нет, хуже! Федосью Матвеевну досмотреть надо.

Глеб Маркелович несколько мгновений молча смотрел на меня.

— Какую еще Федосью?

— Бабу ту с Копыловской заимки, что к Звягиной на постой определили.

— Ты меня среди ночи из-за этой старухи поднял?

— Да. Я почти уверен, что мы ее плохо проверили.

Он распахнул дверь шире.

— Заходи и толком объясняй. Ничего не пойму!

В горнице было свежо. Овсянников поставил лампу на стол, убрал револьвер и начал одеваться, пока я рассказывал.

— Узел вы со Степаном Анисимовичем проверили. Бумаги ее тоже. Но когда она через стол за гребнем потянулась, под правым боком что-то стукнуло. Тогда я решил, что кружка. Только кружка в тот миг стояла у чернильницы, поодаль от нее. Значит, под полушубком или кофтой была еще какая-то вещь.

— Табакерка, складень, ключ?

— Может быть, а может и револьвер.

— И ради этого ты поднял меня ночью?

— Времени до приезда Павла Федоровича почти не осталось. Понимаете, Глеб Маркелович, мы опасности со стороны тайги и дорог ждем, а незнакомую бабу сами в станицу пустили, как следует ту не досмотрев.

— Эко ты хватил, Громов. По-твоему, хабаровский купец Копылов нарочно послал ее к нам под видом беглой работницы?

Овсянников застегнул ворот мундира, тряхнул головой, прогоняя сон.

— Добре, пойдем посмотрим, неугомонный!

— Надо казачек просить. Сами же к старухе под одежду лезть не станем.

— Это я и без тебя знаю. — Овсянников затянул пояс и снял с вешалки папаху. — Я в правление. А ты буди Кравцова и подходите с ним к дому Звягиной. Если у бабки под одеждой окажется один нательный крестик, будешь сам прощения просить.

— Буду, ей-богу, попрошу, если потребуется!

Крестный выслушал меня, провел ладонью по усам и только потом спросил:

— Итить твою бога душу, Андрей! Посреди ночи ты из-за этой старухи всю станицу на ноги поднять удумал? Одного Коробова в холодной тебе мало?

— Степан Анисимович, сами подумайте. Ничем не примечательная бабка явилась аккурат к приезду губернатора.

— Да подумал уж. Погодь, сейчас соберусь.

У дома Настасьи Павловны уже стояли четверо казаков. Двоих Овсянников поставил со стороны улицы, еще двоих у заднего двора.

— Глеб Маркелович? Что стряслось? — спросила Звягина, открывая нам и сдерживая зевок.

— Где постоялица твоя?

— У печи спит. А что?

— Нам ее проверить надо.

Настасья Павловна отступила в сторону. Федосья лежала на разостланном возле печи тюфяке. Когда зажгли вторую лампу, она приподнялась и уставилась на нас сквозь спутанные волосы.

— Батюшки, пожар, что ли?

— Одевайтесь, Федосья, — распорядился Овсянников. — В правление идем.

— За что же ж это?

— Пока ни за что. Проверить кое-что нужно.

Федосью сопровождали до правления. Узел с ее пожитками нес один из казаков. Овсянников послал за женщинами из ближайших домов: Людмилой Полевой, которая стирала белье в гостевом доме, и Тамарой Минюхиной, женой Петра. Обе пришли невыспавшиеся и явно недовольные такой побудкой.

Глеб Маркелович объяснил, что требуется.

— Все, что найдете, оставляете на столе и зовете меня. Осмотрите одежду, подкладку, пояс и обувь.

— Да поняли мы, — отозвалась Тамара Минюхина, — что уж теперь.

Дверь закрылась.

Мы остались в коридоре. За стеной Федосья сперва причитала, потом принялась ворчать, что честную женщину позорят перед всей станицей.

Овсянников велел мне записать время и причину повторной проверки. Отдельно продиктовал, что осмотр проводят женщины, а мужчины находятся за дверью.

— Полушубок сперва, — донесся голос Минюхиной. — Теперь кофту расстегни.

— Да сама я, сама. Руки не тяни.

Через несколько минут дверь приоткрылась.

— Глеб Маркелович, нашли.

На столе лежал небольшой медный складень на потемневшем шнурке. Обе створки были затерты до блеска. На одной едва различался Спаситель, на другой виднелась Богороди-

ца.

Именно его Федосья носила у правого бока под кофтой.

— Матушкин, — сказала она из-за двери. Голос подрагивал, но не от возмущения. — С самой ее смерти при мне. В дороге к телу привязываю, чтобы не украли. Вы про узел спрашивали, а это святыня. Я чужим ее отдавать побоялась. Да и не стану же сама перед вами раздеваться.

Крестный взял складень, повертел и положил обратно.

— Выходит, он стукнул, — сказал я.

— Похоже на то, — согласился Овсянников.

Мне стало стыдно, хоть сквозь пол провались. Глеб Маркелович посмотрел на меня.

— Извиняться будешь сейчас или опосля?

Я собрался извиниться, но не успел.

Со двора донеслись шаги. В кабинет вошла Настасья Павловна. В руках она держала выдвижной ящик от небольшого поставца.

— Глеб Маркелович.

— Что еще?

— Ложка пропала.

— Какая ложка?

— Серебряная, чайная. Мишки моего покойного. Я вечером постоялицу чаем поила, так ей давала. А тут сунулась проверить, а ящик не так задвинут.

Федосья за дверью сразу заговорила громче:

— Не брала я ничего! Да нешто мне ваша ложка нужна?

Овсянников повернулся к казачкам.

— Узел давайте глянем. И снова все просмотрим.

Федосьин скарб разложили на столе: белье, чулки, деревянный гребень, кружка, хлеб, кусок сушеной рыбы. Три монеты по-прежнему лежали в зашитом углу полотенца.

Минюхина расправила полотенце и заметила на противоположном конце несколько свежих стежков. Нитка была светлее старой, а узелок торчал снаружи.

— Это чего?

— Порвалось, — быстро ответила Федосья. — Я и зашила.

Шов распорол, на стол выпала маленькая серебряная ложечка.

Настасья Павловна схватила ее первой.

— Моя! Моя это! Вот, глядите, зарубка имеется.

Федосья перестала причитать. Сгорбленная старуха, до того едва передвигавшая ноги, вдруг выпрямилась. Теперь стало ясно: немощной она только прикидывалась.

— Подкинули мне, — сказала она.

— Кто? — спросил Овсянников.

Федосья посмотрела на обеих казачек и промолчала.

— Оформляй, — распорядился Глеб Маркелович. — Пойдет в холодную.

Настасья Павловна осталась в правлении. Ложку она не выпускала из рук и вполголоса ругала себя за то, что пустила в дом проходимку. Федосью взяли под караул, а из холодной

привели Коробова.

Увидев ее, он почти не удивился.

Я устроился за столом Парамона с бумагой и чернилами. Крестный встал у печи. Федосью и Коробова посадили в разных углах кабинета. Овсянников начал расспрос.

— Еще раз. Когда вы ушли с Копыловской заимки?

— Позавчера ночью, — ответил Коробов.

— А в Лончаково пришли вчера к вечеру?

— Плутал, следы заметал.

— Федосья Матвеевна, вы когда?

— Утром ушла, я ж про то сказывала.

— Каким утром?

Она замялась.

— Вчерашним.

— Стало быть, вы вышли почти одновременно, шли одной дорогой, но встретились только здесь?

— Тайга-то большая, — буркнул Коробов.

— А зимник у нас оттуда только один, — заметил крестный. — Уж явно не по сугробам перли.

Овсянников задал еще несколько вопросов. Кто первым решил идти в Лончаково? Знали ли они о родне Звягиных? Где Коробов собирался остановиться? Почему оба не попросились в один дом?

Ответы расходились даже в мелочах. Коробов уверял, что о Звягиных не слышал. Федосья говорила, будто рассказывала ему о родстве еще на заимке. Он собирался искать ра-

боту у лошадиников, она утверждала, что Степан хотел идти к плотникам.

Овсянников подозвал Настасью Павловну. Вдова положила ложку на стол и показала зарубку.

— Может, этот приходил, пока я за водой ходила? — Она кивнула на Коробова. — Со двора через задние ворота войти можно.

— Степан к ней не ходил, — резко сказала Федосья. — Он в другом доме должен был ночевать.

В комнате стало тихо. Овсянников чуть подался вперед.

— Должен был?

Федосья прикусила губу и опустила глаза.

— Я так сказала... Думала, коли выпустят, в другом доме переночует.

— В каком доме?

Она молчала, а Коробов уставился в пол.

— Вы возле старой гати договаривались или еще на заимке? — спросил Овсянников.

— Ни о чем мы не договаривались, — ответил Коробов.

— Тогда откуда она знала, что ты должен ночевать в другом доме?

Коробов сжал губы, а крестный положил перед ним ложку.

— Днем в узле ее не было. К ночи появилась. Если бы Настасья Пална хватилась утром, Федосья уже вышла бы за околицу. Ты где ее ждать собирался?

— Нигде.

— Стало быть, по тайге порознь идти хотели? Или все же одной дорогой?

Ответа не последовало.

Овсянников не стал давить дальше. Сверил их ответы по времени и задал еще два вопроса о прежних местах работы. Коробов назвал одну хабаровскую пристань, а Федосья другую. Ни хозяев, ни артельных старших они припомнить не смогли.

Полного признания мы от них не получили. Против Федосьи говорила найденная ложка. Против Коробова оставались только ее оговорка да путанные ответы. Ясно было лишь одно: они давно знали друг друга и заранее обсуждали, где на ночлег встать попробуют. Был ли Коробов сообщником или просто вместе с нею бежал от Бурова, еще предстояло выяснить.

На Копыловской заимке они, похоже, и вправду работали. Буров вполне мог не платить людям, отбирать документы и запираить барак. Дела на заимке и кражу следовало проверять порознь.

— От негодяя кто угодно сбежать может, — подытожил Овсянников. — Одно другого не отменяет.

Ложку вписали в протокол и вернули вдове. В холодную Федосью все-таки не повели. Ее оставили в небольшой камерке при правлении, у двери поставили караульного.

Когда обоих увели, Глеб Маркелович посмотрел на меня.

— Значит, думал, ее нарочно прислали?

— Погорячился малость.

— Ну и то хорошо. Ложку Звягиной сберегли. И правильно, думаю, что проверили. А если бы там был револьвер да умысел посерьезнее? Могли бы прозевать.

Я промолчал. Овсянников велел позвать Албазова. Денис Павлович явился сонный и сердитый, но, выслушав нас, посерьезнел.

— Насчет Копыловской заимки прежнее распоряжение отменяю, — сказал атаман. — Издали там смотреть нечего. До проводов губернатора людей не разбрасываем. А потом возьмешь пятерых и проверишь все от ворот до последнего погребя.

— Сделаю.

За окнами начинало светать. После ночного происшествия лечь уже не имело смысла. Впереди нас ждал последний день перед приездом губернатора.

Овсянников умылся ледяной водой и велел принести крепкого чаю. Сам приезд Унтербергера его не так тревожил: Павла Федоровича он знал давно. Но никто не ведал, сменит губернатор лошадей и двинется дальше или пожелает задержаться.

Глеб Маркелович диктовал мне, что еще требовалось приготовить. Для сопровождающих нужны были комнаты, для поклажи и оружия следовало отвести отдельное место, для всего поезда подготовить сменных лошадей. Охране губер-

натора выделили одну горницу, чтобы казаки не расходились по дворам. Павлу Федоровичу приготовили большую комнату в гостевом доме. Остальных постояльцев на время расселили по станице. Иван Викторович Зыбко переехал к Огороднику.

— Сам губернатор, может, и часу не пробудет, — сказал крестный. — А десяток его людей куда денешь?

— Потому и готовим встречу для всех, — ответил Овсянников.

— Кстати, Степан Анисимович, вы с Бирюковым до Серафимы Дорохиной и Нюрки сходили? — спросил атаман.

— Сходили. Сперва Серафима за сердце схватилась, да и Нюрка не сразу поверила. Все сверлила Семена взглядом, может, за дурную шутку приняла. Ежели бы без меня пришел, так, думаю, и прогнала бы. Я Серафиме объяснил, что Юдинцев Петра признал. Тогда они больше слушать ничего не захотели и к доктору нашему рванули. Мы с Семеном вместе пошли, как этих баб удержишь...

Крестный вздохнул и продолжил:

— Серафима сына, а Нюрка мужа как увидали, так и встали подле койки, за руку его взяв. А потом обнялись и заревели. Мы уж мозолить глаза не стали, ушли. Наверное, до сих пор там и сидят.

— Добре. Дай-то Бог, чтобы Петр выкарабкался... — Атаман постучал по столу. — Сегодня зайду к нему. Но сперва с делами разгрестись нужно.

Кормить гостей Глеб Маркелович поручил собственной матушке, Наталье Александровне Овсянниковой. Объяснил, что вкусы у него с губернатором схожие: оба любят простую сытную пищу и не терпят лишнего размаха.

Через час Наталья Александровна явилась в правление уточнять, что готовить.

— Рыбу ставить?

— Нет, матушка. Пост.

— Унтербергер-то лютеранин, ему ж дозволено.

— Ему дозволено. Только он в православном доме скромного не попросит. Чужой устав уважает, за это его казаки и армейские ценят.

Наталья Александровна немного подумала.

— Тогда будут кислые щи на грибном взваре. Ушки с гречей и белыми грибами в горшках потомлю. Папоротник из осеннего засола вымочим, подадим с луком и конопляным маслом. Картошку испечем в мундире. К ней поставим грузди, капусту и огурцы. На сладкое подадим моченую дикуую грушу, мед. И круглик с клюквой испеку. Узвар сварю из сушеной груши, добавлю немного лимонника. Чай само собой.

— Без купеческого размаха чтобы было, матушка, — предупредил Овсянников. — Сытно, чисто и вовремя.

Наталья Александровна улыбнулась.

— Купеческий размах без стерляди и поросенка не бывает. А я тебе про постный стол говорю. Да и твой любимый пирог с клюквой и медом тоже будет, Глебушка.

Помочь ей вызвались две соседки. Вскоре работа у них закипела.

По пути мы с Глебом Маркеловичем чуть позже заглянули в гостевой дом. Атаман, видать, решил проверить, как идут дела.

— Матушка, вы только...

— У тебя губернатор по реке пойдет? Вот рекой и занимайся. А мы и без тебя управимся.

Больше атаман на кухню не совался. В большой горнице расставили столы по числу ожидаемых гостей.

Лешка Ли чистил и скоблил конюшню. В денники насыпали свежей подстилки. Конюхи приготовили под навесом сено и мешки с овсом.

Крестный проверил все лично и дал несколько указаний.

Овсянников ходил от правления к пристани, от пристани к гостевому дому, все осматривал и цеплялся к любой мелочи, что мозолила глаз.

Сашка Пузырев тащил охапку соломы. Ворот расстегнут, портупья съехала набок и перекрутилась. Вид совсем расхристанный.

— Пузырев, — остановил его атаман, — ты нынче при конюшне состоишь или кабак штурмовать собрался?

— Никак нет, господин атаман.

— Тогда привести себя в порядок!

— Будет сделано! — Сашка вытянулся и начал поправлять справу.

Вот таким Глеба Маркеловича я помнил по первым месяцам его службы: жестким, собранным, не терпящим даже мелких ошибок.

К обеду на Коробова, Федосью и промысловика составили рапорт, а самих под караулом отправили с разъездом в Козловскую. Там должны были решить, что с ними дальше делать.

Когда с этим разобрались, Овсянников посмотрел на часы.

— До проверки постов успеем к Юдинцеву зайти. Пора с Дорохиным поговорить.

Я захватил писчие принадлежности и бумагу. К дому Юдинцева мы подошли уже после полудня. Роман Васильевич встретил нас в сенях и сразу приложил палец к губам.

— Тише. Только задремал.

— Разговаривать сможет? — спросил Овсянников.

— Сможет. Сил немного прибавилось, жар спал. Только недолго, Глеб Маркелович. Десять минут, не больше.

— А Нюрка с Серафимой где?

— Домой их отправил. Полночи проревели, от койки не отходили. Серафима Нюрку умыться да поесть увела. Думаю, скоро обе опять здесь будут.

Роман Васильевич приоткрыл дверь в дальнюю комнату.

Петр лежал на узкой койке под двумя одеялами. Обе руки были перебинтованы, укутанные ноги покоились на сложенной полости. Бороду Юдинцев местами выстриг, но из-

за обморожений лицо все равно было трудно узнать.

Услышав шаги, Петр открыл глаза. Посмотрел на Овсянникова и попытался приподняться.

— Лежи, — остановил его Глеб Маркелович.

— Здорово... дневал, Глеб. Атаманом, говорят, ты нынче...

Голос оставался хриплым, каждое слово давалось с трудом.

— Слава Богу, Петр. Узнал меня?

— Узнал, хоть и давно не видал. Возмужал ты шибко.

— Не молодеем, Петр, это верно. Что уж теперь...

Юдинцев придвинул к изголовью кружку с водой. Петр сделал несколько глотков и прикрыл глаза. Я устроился возле маленького столика и приготовился записывать.

— Это Андрей Громов, — представил меня Овсянников.

— Крестник Кравцова, бывает иногда у нас за писаря. Рассказывай, Петр, пока коротко.

Петр помолчал, собираясь с силами.

— На весеннем разливе это было. У старой протоки заплот водой подмыло. Мы бревна отводили, чтобы проход не забило окончательно. Одно развернуло течением, меня с ног сшибло. Я за ветку-то ухватился, а она возьми и оторвись. Дальше вода, бревна... Видать, приложило по башке хорошенько, а может, еще чего. Не помню.

Я записывал почти дословно.

— Это мы знаем. Говорили, что река тебя под воду унесла.

Получается, на берег вынесло?

— Получается, так...

— И что дальше? — спросил Овсянников.

— На той стороне очнулся в зимовье каком-то. Голова разбита, бок весь черный, дышать почти не мог. Меня, как оказалось, двое хунхузов на берегу нашли. Сперва думали, все одно помру, но я потом оклемался.

Петр перевел дыхание. Юдинцев хотел вмешаться, но тот едва заметно качнул головой.

— Продолжай, — сказал Овсянников.

— Держали при себе работником, не отпускали. Коней кормил, сбрую чинил, лес валил, дрова таскал. Что прикажут, то и делал, за миску риса. Да и как уйдешь, когда то ноги переломают, то на цепь, как пса, посадят. Все надеялся, что случай выдастся.

— В одном месте?

— Нет, какое там. Они стоянки часто меняли. То зимовье, то прямо в лесу, то деревня в сопках. Когда переезжали, мне мешок на голову натягивали, чтобы дорогу не запомнил. К Уссури близко не подпускали, я толком и не понимал, как далеко от дома нахожусь. Пять полных зим у них провел, три раза сбегать пробовал... Ловили, с собаками...

Он тяжело вздохнул.

— В первый раз через день поймали. Во второй дальше ушел, да без еды в тайге долго не протянешь. А после того на цепи и держали в основном.

— А теперь как выбрался?

Петр облизнул потрескавшиеся губы.

— На их деревню кто-то напал. То ли другие хунхузы, то ли цинские солдаты, кто их, узкоглазых, там разберет. В суматохе удалось выскочить.

— Сколько дней добирался до реки?

— Не знаю. Может, семь. Может, больше. Шел вниз по распадку, потом вдоль ручья. Когда Уссури увидел, думал, уже и не дойду.

— Как понял, что ты напротив Лончаково оказался?

— Так берег-то наш я узнал. Изгиб реки, островок, тальник у старой протоки. Потом людей на льду заметил. Решил, что наши, казаки, вот и пошел.

Овсянников вопросительно глянул на меня. Я кивнул, мол все записал.

— Место, где тебя держали, показать сможешь?

Петр нахмурился.

— На карте попробовать могу. Но лучше потом, сейчас все плывет перед глазами.

— Имена помнишь? Дороги, речки, приметы, может, какие?

— Кое-что.

Он попытался продолжить, но закашлялся.

— Все, атаман, время! — Юдинцев немедленно отодвинул Овсянникова от койки. — Отдыхать ему надо.

Петр отдышался и тихо спросил:

— Аня с матушкой... были?

— Приходила твоя Аня, приходила, — ответил Роман Васильевич. — От тебя ее с Серафимой с ночи отогнать не мог. Всю ночь напролет проревела, дуреха.

Петр прикрыл глаза. На его лице появилось что-то похожее на улыбку.

— Живой... Значит, дошел, Аня...

Юдинцев поправил одеяло и указал нам на дверь.

— После губернаторского проезда подробнее разузнаем, что да как у Петра приключилось. — Овсянников забрал у меня тетрадь.

— Добре.

— И по станице не болтай. Достанет того, что Петр жив и вернулся.

Овсянников велел мне отдохнуть и к трем утра явиться в правление.

К дому я добрался уже под вечер. На ногах держался на одной силе воли. Попросил Сашу поднять меня в половине третьего. Она как раз собиралась дошить парочку для Натальи Богорош и обещала не дать мне проспать. От ужина я отказался: решил перекусить, когда проснусь.

К рассвету мы выдвинулись из правления проверять охрану. Повторять весь вчерашний обход не стали. Проверили подъем от пристани, путь по реке, выход из лога и связь с правлением.

Видимые посты стояли на своих местах. Казаки в белой

справе уже сидели в засидках на склоне и возле тальника. По льду прошел обычный разъезд, прикрывая следы их смены. Резервные лошади ждали за ельником в распадке.

На подъеме от пристани оставили две порожние подводы, перегородив половину дороги. Понадобись быстро вывести к реке резерв, они бы точно помешали. Видать, от усталости и напряжения Глеб Маркелович взорвался:

— Вы что, мать вашу, русских слов не понимаете? Вам на китайском объяснить? Проезд всегда должен быть свободным. Убрать их отсюда!

Крестный проверил условные сигналы. Албазов еще раз прошел с каждым старшим его участок.

После этого осталось ждать. К полудню немного потеплело. Над Уссури висела легкая белесая дымка, но дальний изгиб просматривался хорошо.

Первым губернаторский поезд увидел пост у островка. Условный знак прошел оттуда к пристани, затем к правлению. На площади ударили в колокол, собирая встречающих.

Мы со Степаном Анисимовичем и Овсянниковым спустились к реке.

Сначала из-за изгиба показались трое верховых. Передовой разъезд шел по накатанной на льду дороге. За ним двигались главные крытые сани, затем еще два возка. Поезд замыкало тыловое охранение.

Полозья скрипели, от лошадей шел пар. У пристани зимник поворачивал к нашему берегу. Летние сходни были под

снегом, зато подъем со льда расчистили.

Передовой разъезд прошел первым, осмотрел склон и подал знак остальным.

С верхнего поста подали сигнал, что лес чист. Чуть позже пришел знак от протоки. На противоположном берегу было спокойно. Албазов принял оба сообщения и лишь после этого разрешил встречающим выйти к самому спуску.

Поезд приближался медленно. Дорога была ровной, охрана не давала саням растягиваться. После недавнего нападения охранение Унтербергера действовало особенно осторожно.

Мне на мгновение почудилось движение возле дальнего тальника. Я уже поднял было руку, но оттуда вышла лисица, остановилась на льду и метнулась обратно.

Я глянул на склон над рекой. Наших не было видно, хотя места засидок я знал.

Главные сани остановились у самого подъема. Адъютант выбрался первым. Следом показался Унтербергер. Поверх мундира на нем был теплый дорожный тулуп, усы покрылись инеем.

Овсянников шагнул вперед и доложил о состоянии участка, выставленных постах, задержанных без документов и готовности сменных лошадей.

Павел Федорович выслушал, посмотрел на берег и коротко кивнул.

— Здорово дневал, Глеб Маркелович.

— Слава Богу, ваше превосходительство.

Губернатор заметил меня чуть в стороне и кивнул.

— А, Громов. Как часы идут?

— Точно идут, ваше превосходительство. Ни разу не подвели, благодарствую!

— Вижу, к венчанию вы все-таки успели.

— Так точно.

Унтербергер чуть улыбнулся, но тут же снова стал серьезен.

Конвой начал подниматься от пристани. Свежих лошадей выводили из конюшни, у крыльца дожидались наши старики. Овсянников предложил Павлу Федоровичу отдохнуть с дороги и отобедать.

— Если изволите продолжить путь сразу, то у нас все готово, — добавил он.

Унтербергер медленно оглядел площадь, расчищенную дорогу, гостевой дом и открытые ворота конюшни. Потом посмотрел на часы и повернулся к адъютанту.

— Сменных лошадей пока не закладывайте. На обед остановимся, пожалуй.

После этого обратился к Овсянникову:

— Собирайте людей, Глеб Маркелович, у меня есть что сказать станичникам.

Глава 3. Власть меняется

— Общий сбор к третьему часу, — распорядился Унтербергер. — Только свободных от службы. Посты и разъезды не снимать. А пока люди собираются, показывай станицу, Глеб Маркелович.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Изволите сперва осмотреть правление, конюшню или пристань?

— Это потом, да и часть я уже с дороги увидел. Показывай, как люди живут. Вон с этого края станицы и начнем.

Овсянников предложил пройти на Кубанскую улицу. Там стояли дворы переселенцев, для которых нынешняя зима на Усури была первой.

Павел Федорович кивнул:

— Веди, Глеб Маркелович.

Я пошел следом. Парамон все еще не вернулся из Венюково, и с утра я находился при атамане.

Мы свернули на Кубанскую. Улица пока была короче остальных, курени стояли не в один ряд. Кто-то успел выстроиться, кто-то еще пристраивал к жилой избе сени, а некоторые ждали весны. Возле двух дворов темнели сложенные под снегом бревна для будущих работ.

И все же улица выходила добротная. Мой курень стоял здесь же. Я невольно глянул на него, пока губернатор осматривал соседние дворы. Свое хозяйство теперь было, а недо-

делок хватало и у меня.

— Сколько семей тут поселилось? — спросил Унтербергер.

— Десять, ваше превосходительство, — ответил крестный. — Размежевали еще летом, срубы эти под крышу до холодов подняли, а хозяйство уже каждый доводит по мере сил.

— Станица помогала?

— А как же. Лес с казенных заимок брали, инструмент из станичного запаса выдавали под запись. Да и людьми помогали: где целой артелью подсобят, где лошадь дадут бревна вывезти.

Овсянников добавил:

— Каждую новую семью закрепили за двором старожилов. Чтобы в случае надобности было к кому обратиться, о здешних порядках расспросить.

— Вы такое придумали? — покосился на него Унтербергер.

— Степан Анисимович придумал, а я утвердил. Одному за десятью дворами все равно не уследить.

У Макара Остапенко калитка была распахнута, на заборе сушилась конская попона. Хозяйка, закутавшись в теплый платок, отбивала лед со ступеней. Увидев губернатора, она отложила пешню, вытерла рукавицы о передник и поспешила к воротам.

— Здорово дневала, хозяйка, — первым поздоровался

Павел Федорович.

— Слава Богу, ваше превосходительство, — поклонилась казачка.

— Хозяин твой где?

— Дык, с утра на службе.

— Как первая зима после Кубани?

— Морозы тут, стало быть, посерднее наших. — Женщина оглянулась на курень. — Дров на обогрев много уходит. А так ничего, живем потихоньку, привыкаем. Сена хватает, зерном не обидели. Весны тепереча ждем.

— Со старожилками ладите?

— А чего не ладить? Всякое сперва бывало. Наши по-своему привыкли, здешние по-своему. Так в одной станице долго чужими не пробудешь, притираемся.

Унтербергер кивнул на добротный навес и новую конюшенную дверь.

— Сами ставили?

— Всем десятком. Сегодня у одного, завтра у другого. Наш курень еще летом всем миром подымали, теперь вот и сами другим помогаем.

Разговор занял несколько минут. Прощаясь, Павел Федорович пожелал хозяйке всех благ. Остапенчиха снова взялась за пешню, а мы пошли дальше.

— Значит, кубанцы служат отдельным десятком? — спросил губернатор.

— Так точно, — ответил Овсянников. — Десятник у них

свой, люди друг друга знают, привыкли вместе служить. Но первые месяцы в разъезды одних не посылали. К каждой паре новых ставили наших.

— А теперь?

— Теперь дальние тропы, протоки и зимники они уже знают. В обычные разъезды ходят наравне со всеми. Если участок незнакомый или обстановка сложная, состав все равно смешиваем.

— Разумно... Разумно...

Павел Федорович еще раз оглядел улицу. Судя по вопросам, его занимало не то, как ровно плетни стоят. Он проверял, не остались ли переселенцы отдельной артелью, которая только числится при станице. Построить курени мало: людям потом вместе жить и границу оборонять надо.

— Жалобы на землю были?

— Куда ж без них-то, — ответил крестный. — И по сенокосу споры были. У кого земля лучше, у кого воды меньше. Другой затес на полсажени взял, да и передвинул. Разобрали со стариками все споры, границы вернули на место положенное. Дело это житейское.

Овсянников усмехнулся:

— В хозяйственных и общественных делах я на Степана Анисимовича полагаюсь. Он людей в Лончаково лучше меня знает. На мне больше служба, наряды и за порядком следить. А где пай, лес, вдовья подвода или соседская обида появилась, там решаем вместе.

— И то верно. На то и нужен товарищ атамана, — сказал Унтербергер. — Не беда, что атаман за советом идет. Плохо, когда поперек все норовит сделать да разлад в обществе множит.

К площади возвращались мимо часовни. Она стояла чуть в стороне, небольшая, темная от времени, с низкой звонницей. Унтербергер вошел внутрь и снял папаху. Павел Федорович был лютеранином, но к вере православной относился с уважением.

Он ненадолго задержался, осмотрел потемневший иконостас, печь в углу.

— Здесь все помещаются?

— На большие праздники половина на улице стоит, — ответил крестный. — Особенно когда отец Филарет приезжает.

— Ближайшая церковь от вас в Козловской?

— Там есть Николаевская, ваше превосходительство, — сказал Овсянников. — Отец Филарет к нам приезжает на праздники и по требам. Ежели венчание или запись срочная, сами едем к нему.

— О своем храме общество думало?

— Давно думает, — ответил крестный. — Только сами понимаете, маловато нас в станице живет. Вон только сейчас с новоприбывшими стало около ста пятидесяти. Но если с Кубани или Терека казаки и дальше прибывать будут, стоило бы уже свою церковь заложить, на будущее. Дело это тоже небыстрое.

Унтербергер надел папаху.

— Составляйте приговор круга. Только по уму, большой собор на весь край тут не нужен, а я поддерживу. Но за архиерея говорить не стану, ему решать.

— Понимаем, ваше превосходительство, и на том благодарствуем.

Из часовни вернулись к гостевому дому. В сенях уже пахло грибами, кислой капустой и свежим хлебом. Павел Федорович вошел в большую горницу и сразу заметил длинные лавки, сдвинутые к стене. За ними виднелась небольшая грифельная доска. На нижнем краю еще белели следы мела.

— Здесь детей учат?

— Здесь, — признал Овсянников. — Другого помещения пока нет.

— А сегодня?

— Занятия отменили. Горницу под обед освободили.

Губернатор провел пальцем по краю ближайшей лавки.

— Часто приходится отменять учение ради приезжих?

Глеб Маркелович помедлил.

— Когда гостевой дом нужен целиком, приходится. Не каждую неделю, но бывает случается. Раньше даже гостевого дома в Лончаково не имелось.

— Сколько учеников?

— Двадцать четыре. Учитель наш, Иван Викторович Зыбоко, разделил их на три отделения. Всех в одной комнате учит.

— Стало быть, школа имеется, а места своего нет?

Овсянников развел руками:

— До лета рассчитывали перебиться здесь, а после ледохода начать строиться.

— Подготовьте предложение: место, как строиться хотите и что станица возьмет на себя.

Он посмотрел на меня, потом снова обратился к Овсянникову:

— После Хабаровского смотра Козловскому округу отпустили две сотни рублей на учебное стрельбище и подготовительные разряды. Помните?

— Как не помнить. Свидетельство Эпов принимал.

— Не растаскивайте деньги по мелочам. Школьный дом ставьте у выгона, рядом устройте учебный плац. Стрельбище, понятное дело, вынесите за овраг. Получится одно учебное место: утром ребятишкам наука, после занятий — подготовительному разряду. Им ведь не только по тайге бегать, военную науку и за партой учить надо.

Две сотни рублей дали всему округу на военную подготовку, а не на школьный сруб в Лончаково. Значит, место общее, а расходы все равно считать отдельно.

Овсянников кивнул:

— Подумаем.

— Храм туда не вписывайте, — добавил Павел Федорович. — По церкви готовьте отдельный приговор. Когда духовное начальство одобрит, из войсковой казны добавим денег на строительство. Всех расходов, конечно, не покроем,

но помочь попробуем.

На пороге появилась Наталья Александровна. Руки она держала под передником, лицо раскраснелось. Видать, пришла прямо от печи.

— Матушка моя, Наталья Александровна, — представил Овсянников.

— Ваше превосходительство, стол готов. Милости просим обедать, пока щи не осерчали.

Павел Федорович ухмыльнулся:

— Осерчавших щей я еще в здешних краях не пробовал.

— Ежели стылая, то всякая еда осерчает. На то и обед, чтобы горяченького поснедать.

— Против такого довода возражать никак нельзя.

Он снял тулуп, оставшись в темном мундире с генеральскими погонами. Адьютант принял его и повесил в сенях, рядом с остальной верхней одеждой.

За столом разместились Павел Федорович, его адъютант, Овсянников, крестный и я. Наталья Александровна сама поставила перед губернатором миску кислых щей на грибном взваре и проследила, чтобы каждому достался хлеб.

— Пост нынче, — сказала она. — Так что не серчайте, ваше превосходительство.

— Я в православном доме скоромного и не ждал.

— Вот и славно, а то я уж переживала.

Щи оказались такими ядреными, что и без мяса согревали. Следом казачки принесли горячие горшки. Внутри то-

мились ушки с гречей и белыми грибами.

Павел Федорович попробовал одно и спросил:

— Ушки отчего так называются?

— На ухо они похожи, — объяснила Наталья Александровна. — Только эти ушки хоть все слышат, да рассказать никому ничего не успевают. Больно уж вкусные, мигом их съедают.

Адъютант кашлянул в кулак. Глеб Маркелович посмотрел на матушку укоризненно, но Унтербергер рассмеялся.

— Хорошее свойство. Моей канцелярии таких ушей недостает. А то у наших иной раз языки слишком длинные.

После ушек на столе появился вымоченный папоротник с луком и конопляным маслом. К нему подали печеную картошку, грузди, капусту и огурцы.

Пирог с клюквой Наталья Александровна поставила между губернатором и Овсянниковым. Запивали его узваром из сушеной груши с лимонником. Кислинка после грибов пришлась к месту.

Наконец Наталья Александровна оглядела стол и распорядилась убрать лишнее.

— Ежели еще чего понадобится, позовете. А нам на кухне прибраться надо.

Она увела помощниц и прикрыла дверь. Овсянников дождался, пока шаги стихнут в сенях.

— Ваше превосходительство, обязан доложить еще об одном происшествии.

Унтербергер отставил кружку.

— Слушаю.

— На днях с китайского берега на лед вышел наш станичник, Петр Дорохин. Пять лет его погибшим считали. Вчера удалось коротко расспросить.

Глеб Маркелович помедлил и продолжил:

— Говорит, все это время его удерживали хунхузы на китайской стороне. Сейчас он истощен и сильно обморожен. Подробный расспрос отложили, пока доктор не разрешит.

— По этому делу рапорт составьте сами и проследите, чтобы его передали лично мне. Надо узнать, как у них все это устроено и много ли наших еще из одного гасяна в другой так гоняют.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Овсянников доложил только основное. До имен и дорог мы с Дорохиным вчера так и не добрались, сперва Петру надо прийти в себя.

К третьему часу площадь заполнилась. Пришли строевые, свободные от службы, старики, женщины и молодежь из приговорительного разряда и иногородние.

Унтербергер поднялся на крыльцо правления. Адъютант и Овсянников встали чуть позади. Я остался внизу, рядом с крестным.

Гомон постепенно стих.

— Здорово дневали, господа казаки! — громко произнес Павел Федорович.

— Слава Богу, ваше превосходительство! — ответила площадь.

— Задержался я у вас не ради долгих речей. Сообщить надо о нескольких решениях, которые прямо касаются Лончаково.

Он начал с железной дороги.

— Направление Южно-Уссурийской дороги от Владивостока до Графской принято к дальнейшему устройству. Принципиальный вопрос уже решен. Точные сроки работ и порядок отпуска денег на строительство объявят позднее, после утверждения необходимых бумаг.

По площади прошел одобрительный гул. Кто-то негромко сказал: «Вот и дождались».

Унтербергер поднял руку.

— Сразу предупреждаю: через Лончаково рельсы пока не пойдут. Дорогу поведут от Владивостока до станции Графской, а оттуда сообщение с Хабаровкой будут поддерживать пароходы. Но строительство все равно увеличит движение людей и грузов по Уссурийскому краю. На дорогах станет теснее, а желающих поживиться за чужой счет будет больше.

Он обвел взглядом собравшихся.

— С нынешним движением вы справляетесь. Но большой участок границы и дороги одной станицей не прикрыть. Войску нужна постоянная подвижная сила.

О преобразовании прежнего пешего полубатальона в конный дивизион на три сотни казаки уже знали. В мирное вре-

мя на действительной службе полагалось держать одну сотню, и теперь ее предстояло собрать.

— Но прежде другое дело, — сказал Унтербергер. — Оно касается только вашей станицы.

Павел Федорович повернулся к адъютанту. Тот раскрыл папку и подал ему лист.

— Двадцатого июля прошлого года станичный круг Лончаково законно избрал атаманом вахмистра Степана Анисимовича Кравцова. Из сорока семи казаков за него подали двадцать восемь голосов. Товарищем атамана тогда избрали Макара Завьялова.

На площади стало тихо. Я увидел Макара возле дальнего края толпы.

— Волю круга я не отменял, — продолжил Унтербергер. — Утверждение Кравцова было отложено из-за убийства государственных изыскателей и чрезвычайной обстановки на границе. Хорунжий Глеб Маркелович Овсянников назначался временно, поскольку станице требовался строевой офицер.

Овсянников стоял прямо и смотрел перед собой.

— Теперь прежний приговор станичного общества утвержден. Вахмистр Степан Анисимович Кравцов утверждается атаманом станицы Лончаково. Макар Завьялов — товарищем атамана.

На миг площадь словно не поверила услышанному. Потом кто-то из стариков первым крикнул:

— Любо Кравцову!

— Любо! — подхватили сразу с нескольких сторон.

Крестный снял папаху, перекрестился на часовню и поклонился обществу. Потом надел ее и первым делом посмотрел на Овсянникова.

Радостный шум быстро стих. До людей дошло: временная власть Глеба Маркеловича заканчивается. К нему все уже привыкли. Да и я тоже, чего уж скрывать.

Наталья Александровна стояла возле крыльца с двумя казачками. Она перестала улыбаться и сжала край платка.

— Сняли, значит, — донесся ее тихий голос.

За крестного я был рад. Его выбрали по совести, и своего часа он дождался. Только зачем Унтербергеру понадобилось объявлять все лично, перед целой станицей? Утвердить старый приговор можно было обычным приказом через Козловское правление. Пока выходило, будто Овсянникова за что-то снимают. А за что, я не понимал.

Павел Федорович дождался тишины.

— Поздравления до времени оставьте при себе. В должность, Степан Анисимович, вы вступите после присяги, как и положено.

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Завтра явитесь в Козловскую. В Николаевской церкви отец Филарет приведет вас к должностной присяге. После нее примете атаманскую насеку.

Унтербергер перевел взгляд на Овсянникова.

— Затем хорунжий Овсянников передаст вам по описи станичную печать, книги, казну и все незаконченные дела. До присяги Глеб Маркелович продолжает временно исполнять атаманские обязанности. Служба, наряды и распоряжения остаются прежними.

— Так точно, — ответил Овсянников.

Крестный тоже поднял руку к папахе.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Я вспомнил такую же поездку в Козловскую семь месяцев назад. Тогда Степан Анисимович вез насеку Огородника, печать и книги на присягу Овсянникова. Теперь все это предстояло передать обратно, тому, кого выбрал круг.

В толпе снова раздались голоса.

Унтербергер свернул лист, отдал адъютанту и поднял руку.

— Рано Глеба Маркеловича провожаете.

На площади опять стало тихо. Овсянников повернул голову к губернатору.

— На сегодняшнем обходе я хотел убедиться, что полученные мною рапорты не приукрашивают действительность.

Павел Федорович посмотрел на собравшихся.

— За семь с лишним месяцев хорунжий Овсянников навел порядок в чрезвычайной обстановке. Наладил пограничные наряды, обеспечил охрану изыскательских партий, помог новым поселенцам обжиться и ввел их в строй. Но важнее другое. Когда нападение на казенный золотой обоз ед-

ва не столкнуло русских казаков с китайскими войсками, он удержал людей от перехода границы и боя с цинскими солдатами. Обоз был сохранен, провокация сорвана. Начнись тогда бой, одними рапортами не отделались бы.

В памяти всплыл разорванный лед. Я на китайской стороне, казаки стягиваются к пролому. Глеб Маркелович требует вернуть меня, но потом все-таки приказывает отходить. Выполнить такой приказ было непросто. Да и отдать его, пожалуй, не легче.

Вспомнилось и прошлое лето, когда на этой площади Медведев огласил телеграмму о временном назначении Овсянникова. Тогда в глазах Глеба Маркеловича мелькнуло торжество, а крестный стоял рядом, сжав кулак. Теперь они будто поменялись местами. Только сам Овсянников за семь месяцев тоже переменялся на наших глазах. И удовлетворения от того, что Глеба Маркеловича снимают сейчас, я не чувствовал. Крестный, кажется, тоже.

В первые дни мне казалось, что железный порядок нужен ему главным образом для красивых рапортов. Слишком охотно он придирался к справе, слишком часто поминал свое юнкерское училище. Тогда еще было дело об убитых изыскателях. Потом тайные тропы, обозы, карантин и зимние разъезды. Одними начищенными сапогами здесь было не обойтись. Глеб Маркелович научился слушать крестного, Албазова, Огородника и тех, кто знал здешние места гораздо лучше его.

— Свои обязанности атамана он исполнил достойно, — продолжил Унтербергер. — Потому оглашаю два решения.

Павел Федорович сделал короткую паузу.

— Первоочередную сотню придется собирать по станицам. В ней будут казаки разных округов, с разной выучкой и привычками. Мало составить списки, нужно сделать из них одно подразделение. Хорунжий Овсянников уже доказал, что на это способен.

Адъютант подал второй лист. Павел Федорович развернул его и зачитал приказ:

— Высочайшим приказом хорунжий Глеб Маркелович Овсянников за отличие по службе производится в сотники.

По толпе прошел одобрительный гул.

Овсянников поднял руку к фуражке.

— Служу Его Императорскому Величеству!

— Далее. Распоряжением по войскам Приамурского военного округа сотник Овсянников прикомандирован к Уссурийскому казачьему конному дивизиону и назначен временно исполняющим обязанности командира первоочередной сотни.

Унтербергер опустил бумагу.

— Дивизионом командует полковник барон Николай Александрович фон Глен. Вам, Глеб Маркелович, поручается сотня. Та, которую надлежит собрать первой, обучить и подготовить к службе.

— Так точно, ваше превосходительство.

— После присяги Кравцова закончите передачу станичных дел. В Козловском окружном правлении получите необходимые выписки и дорожное предписание. Не позднее первого апреля вам надлежит явиться в Камень-Рыболов к Николаю Александровичу.

Времени не так чтобы много. За три с небольшим недели требовалось передать дела, собрать вещи и добраться до Ханки.

— В Камне-Рыболове получите штатные указания и начнете формирование сотни, — добавил Унтербергер. — До того времени никого по собственному разумению от службы не отрывать. Сотня нужна войску не ценой оголенной границы.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. — Овсянников вытянулся.

— Поздравляю, Глеб Маркелович. — Крестный первым шагнул к нему и протянул руку. — С чином сотника.

Овсянников посмотрел на него, затем крепко пожал протянутую руку.

— И тебя с атаманством, Степан Анисимович.

Казаки словно только этого и ждали.

— Любо Овсянникову!

Глава 4. Мечты будущего генерала

— Любо! — звучало со всех сторон.

Народ начал расходиться. Многие хотели лично поздравить Овсянникова или крестного. Решение губернатора пришлось казакам по нраву. Возле крыльца кучковались старики и громко обсуждали случившееся, будто Павла Федоровича тут уже и не было.

Унтербергер дождался, пока гомон немного стихнет.

— Степан Анисимович, Глеб Маркелович, зайдите в правление. Несколько дел осталось.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — ответил Овсянников.

Крестный кивнул. Я уж собирался отойти к нашим, когда Глеб Маркелович обернулся:

— Громов, погоду. Про ведомость по строевому и приготовительному разрядам помнишь? Ту, что после смотра сверяли.

— Так точно.

— У Парамона она лежит, в левом ящике. Принеси.

— Сделаю.

Они поднялись на крыльцо за губернатором, а я направился в кабинет Парамона. В левом ящике под двумя тетрадями лежали нужные документы, сшитые суровой ниткой.

Я взял ведомость и отправился в кабинет атамана.

Павел Федорович сидел у края стола, Овсянников стоял напротив, крестный устроился чуть сбоку. Адъютант положил губернаторскую папку на стол и отошел к окну.

Я кивнул Овсянникову: мол, документы принес. Хотел было отдать ведомость и ретироваться.

— Останься покуда, — велел Овсянников.

— Да, Громов, тебе тоже будет полезно послушать, раз уж ты здесь, — поддержал Павел Федорович.

Я отошел к стене возле двери.

— Павел Федорович, — спросил крестный, — завтра все оформим. А дальше чего-то еще ждать? Мне отдельный вызов будет?

— Будет. Немного погода из окружного правления получите предписание явиться в Камень-Рыболов. Барон фон Глен собирает атаманов станиц, дату сообщат. А Глебу Маркеловичу отдельного вызова ждать не надо: ему, как сказано, прибыть не позднее первого апреля.

— Это вроде ученья какие-то? — спросил крестный.

— Какое вам еще ученье, Степан Анисимович? — усмехнулся Павел Федорович. — Вы тридцать лет уже служите. Там другое: новый штат вводится. Люди, лошади, наряды, вооружение, снабжение. Решать будут, кого станица сейчас выставит, кто на льготе останется, как у вас со справой и оружием.

— Вот уже понятнее, благодарствую! — хмыкнул крестный.

Унтербергер придвинул к себе чистый лист.

— В мирное время основная тяжесть службы ляжет на первую сотню. Остальные же казаки первой очереди, что остаются на службе в станице, находятся в постоянной готовности и должны немедленно выступить по приказу. Вторая очередь, напоминая, — продолжил губернатор, — в случае необходимости разворачивается в двадцать четыре часа, а третья в двух недельный срок.

— Тогда главный вопрос, сколько с каждой станицы отправлять станут, — сказал крестный. — Если с нас разом человек двадцать заберут, да самых умелых, на постах проехи будут.

— Потому-то первоочередная сотня и будет сборной. Увы, немногочислен наш край. Лончаковские, козловские, венюковские казаки да из других станиц в одной сотне службу нести станут.

Овсянников забрал у меня ведомость и развернул перед губернатором.

— Сведения у нас уже собраны. Люди, возраст, здоровье, подготовка, конь, справа. Отдельно отмечены те, кто почти всегда занят тут и кого без замены снимать нельзя.

— Хорошо, Глеб Маркелович. Эти сведения и представите. Фон Глен все сведет у себя.

Крестный посмотрел на меня, потом снова на губернатора.

— А приговорительный разряд?

— Оставьте пока малолеток в покое, ежели, конечно, они еще по возрасту не подходят.

Глеб Маркелович провел пальцем по фамилиям.

— Мельникова с Бортеньевым уже можно направить, а Меренского следом за ними.

— Покажите-ка.

Овсянников передал ведомость. Павел Федорович пробежал по первым строкам.

— Прохор Мельников.

— В этом году заканчивает учебу в подготовительном разряде, — сказал крестный.

— Илья Бортеньев?

— Тоже.

— Александр Меренский?

— К следующему набору подходит.

Палец губернатора двинулся ниже.

— Медведовский.

— Митьке еще рановато.

— А Громов?

Я вытянулся, а Унтербергер поднял глаза от бумаги.

— Сколько тебе нынче?

— Восемнадцать, ваше превосходительство.

— То есть еще два года готовиться будешь... Подойди-ка, Андрей.

Я шагнул к столу. Павел Федорович посмотрел на мои медали.

— Две «За храбрость», и это в восемнадцать лет. Ты, глядишь, еще и Георгиевский крест такими темпами на грудь повесишь, пока в малолетках числишься, — по-доброму улыбнулся он.

— Не за награды служим, ваше превосходительство, — ответил я, чувствуя, как краснеют уши.

— Про то знаю. Слыхал я это от тебя еще во Владивостоке, — положил он ведомость на стол. — Поэтому вот что скажу. Как закончишь пригготовительный разряд, станешь экзамены держать, хотел бы видеть тебя в Иркутском юнкерском училище. Нам на Усури толковые офицеры очень надобны, особо из своих казаков.

— Меня? — Я сперва решил, что ослышался.

— Тебя, Громов, тебя. — Унтербергер подкрутил ус. — Не Кравцова же, ей Богу!

Крестный кашлянул в кулак, пряча улыбку.

— Нужные бумаги, как срок придет, я подготовлю, — продолжил Унтербергер. — С Федоровым сам о том переговорю.

Вспомнилось мне письмо отца. Батя ведь еще над моей люлькой мечтал, что выучусь и стану офицером. Помню, как не так уж и давно читал его в сенях у крестного. Теперь вот стою перед губернатором и слов подходящих найти не могу.

Павел Федорович тем временем повернулся к Овсянникову:

— Вообще надо нам несколько постоянных мест для спо-

собных казачат в Иркутске выбивать. Чтобы на казенном коште, да с содержанием, все по уму! — Он перевел взгляд на адъютанта.

— Запиши себе. По приезду в Хабаровку напомним, дабы я с Федоровым в Иркутске связался, — откинулся на спинку стула Павел Федорович.

— А где нам еще офицеров брать? Мы ведь вечно служить не сможем. Смену заранее готовить надобно...

Он снова полистал ведомость и поднял голову.

— Кстати, что с теми двумя сорванцами? Я вам бумагу, помнится, по ним направлял.

Овсянников понял, о ком идет речь.

— Определили. Кирилл и Осип в школу ходят. Днем учатся вместе со всеми, после помогают по хозяйству. Живут у вдовы, Варвары Степановны Прошиной.

— Не разбежались значит?

— Нет. Варвара Степановна ими довольна, как к собственным сыновьям относится.

— С матерью Кирилла разобрались?

Овсянников покачал головой.

— Разбираемся, запросы уже отправили.

— Не торопите. Главное, они не на улице, учатся, кормлены, при деле. Дальше все по порядку, и по закону делайте, — вернул он ведомость Овсянникову.

— И еще одно. Порционную на дальние зимние наряды выдаете как положено?

— Так точно, ваше превосходительство, — ответил Глеб Маркелович. — Кому полагается, по чарке, для сугреву.

— Жалоб на то нет?

— Нет. Да и берут не все. Многие привыкли без нее обходиться. Некоторые у гольдов переняли свои способы: горячий взвар, жир, чай на травах, по-разному согреваются.

Крестный пожал плечами.

— Кому что помогает. Насильно никто чарку в горло лить не станет.

— И правильно. Только не забывайте: иной раз это в мороз спасет да от цинги убережет, но и во вред тоже бывает. Знавал такое...

Павел Федорович подвинул к себе папку, но закрывать не стал.

— Раз уж о списках заговорили. Весной по всему краю начнем приводить в порядок учет инородцев и приграничных поселений. У вас работы тоже прибавится.

Крестный насторожился.

— Китайцев считать?

— Не только считать. Проверять бумаги, выяснять, где живут, чем промышляют, кто за них поручился. Каждый инородец на нашей земле должен быть известен, а не появляться неизвестно откуда и исчезать туда же.

Овсянников кивнул.

— Часть таких сведений у нас уже есть.

— Значит, меньше работы будет Кравцову.

Павел Федорович повернулся к крестному.

— На вас, Степан Анисимович, ваши земли. Китайцев без положенных бумаг и тех, кто откажется от проверки, отправлять обратно на свою сторону. Спорить тут не о чем.

Крестный медленно кивнул.

— А гольды? С ними как? Да и удэгейцев дальше в тайге хватает.

— Не мешайте всех в один котел. Гольды — другое дело. Сперва перепишите семьи, стойбища, старших. Кто к какому гасяну принадлежит, кто за людей отвечает перед правлением.

Овсянников указал на лист с заметками.

— О новых гасяндах тоже докладывать или на месте самим решать?

— Докладывать обязательно. Бумага из Саньсина русское управление не отменяет. Ясак на нашем берегу в пользу Саньсина собирать запрещено. Если купец вздумает требовать за старый долг речку или промысловое место, как вы сказывали, пресекать такое на месте. Это наша земля, и хозяйничать тут чужим дельцам мы не позволим. А если свои такие же ушлые появятся, тоже к ногтю...

Крестный нахмурился.

— Там ведь зачастую старик расписался за отца, потом сын должен, а уж внук сам не знает, за что платит.

— С этим и нужно разобраться. Особенно с землей. Неровен час сверху придет распоряжение об отводе новых участ-

ков, а у вас китайский купец вытащит старую бумагу и объявит половину речки своей. На нашей стороне она никаких прав не дает, но лазейки эти манзы искать умеют. Вы пока разбирайтесь на местах, а мы по дипломатической линии пробуем утрясти.

— Добре, — сказал Степан Анисимович.

Я вспомнил разговор с Пассой о свежих расписках на промысловые угодья. Пока мы разбирались с одним долгом, такие бумаги могли появиться у других соседей. Теперь губернатор требовал проверить весь берег.

— А если кто из гольдов вообще откажется в списки входить? — спросил Овсянников.

— Отдельным рапортом. По ним будет особый порядок.

Павел Федорович посмотрел в окно. На площади еще расходились станичники.

— Это тем более скоро потребуется. С мая опять пойдут переселенцы.

Крестный приподнял брови.

— Много?

— За год до двух тысяч душ ожидаем. Крестьяне, казачьи семьи, отставные нижние чины. Вам тоже надо присмотреть землю для отдельного поселения. Десять-пятнадцать дворов для начала.

Крестный сразу стал прикидывать:

— Значит, вода рядом нужна. Выпас отдельно. Леса чтобы хватало, но не в самой чащобе.

— Сперва глядите внимательно и выясните, чья земля, а только потом ставьте колышки.

Степан Анисимович покосился на него.

— Павел Федорович, чувствую, после завтрашней присяги мне скучать не дадут.

— За скукой в другое место надо было избираться, Степан Анисимович.

Унтербергер поднялся, меня отпустили. Я забрал ведомость, вернул в левый ящик стола Парамона и вышел на крыльцо.

Возле правления ждали Албазов и еще двое казаков. У ног Дениса Палыча лежал большой сверток, стянутый ремнями.

— Готово? — спросил вышедший следом Овсянников.

— Ага. Только тяжелая, зараза, вышла.

Крестный спустился с крыльца.

— Давайте сюда.

Они с Албазовым вдвоем подняли сверток. Я только тут понял, что это.

Медвежья шкура.

Мех густой, темно-бурый, на лапах сохранились когти. Выделка отменная. Албазов снял ремни, и они с крестным развернули шкуру на снегу. Она заняла чуть не половину прохода.

Павел Федорович остановился.

Овсянников шагнул вперед.

— От всего общества, ваше превосходительство. Просим принять.

Крестный приподнял тяжелую голову зверя.

— Этот нарушитель границы прошлым летом начал скот таскать.

Унтербергер присел, провел ладонью по меху и взял одну лапу.

— Хорош. В свой новый кабинет во Владивостоке повешу. Такую вещь под ноги бросать грех, буду гостям показывать.

Шкуру снова свернули и закрепили на санях.

До отъезда оставалось совсем немного. Унтербергер попрощался с Овсянниковым, пожал руку крестному.

— Завтра в Козловскую, без опозданий.

— Буду, как и положено, ваше превосходительство.

Потом Павел Федорович заметил меня.

— А ты про Иркутск крепко подумай.

— Подумал уже, Павел Федорович.

— Вот и добре.

Отказываться я не собирался. Только до училища еще готовиться и готовиться. Надо обдумать, за что браться в первую очередь. Глядишь, память Добрецова на выручку придет.

Сани тронулись.

Сперва пошли два казака передового охранения. За ними двинулся губернаторский поезд, дальше сопровождение из

лончаковских. Верховые держались по обе стороны зимника.

У первого изгиба я заметил на склоне белое пятно. Наш наблюдатель неподвижно сидел в засидке возле поваленной ели. Не знай я места, сам бы прошел мимо.

Дальше в тальнике показалась еще одна белая фигура. Секреты на выезде стояли так же, как при встрече губернатора. Никто не полез греться раньше времени.

Поезд прошел последний видимый нам пост и скрылся за поворотом.

Овсянников проводил его глазами.

— В Венюково скачи. — Он кивнул Ерохину, ожидавшему приказа. — Передашь, что губернаторский поезд вышел из Лончаково.

— Слушаюсь. — Ерохин вскочил в седло и вскоре скрылся за околицей.

Через час с дальнего поста в стороне Венюково вернулся посыльный.

— Глеб Маркелович, поезд наш участок миновал.

— Добре.

Мы вернулись к служебным делам. Кто к конюшне направился, кто к амбарам, кто менять казаков на постах. Возле правления по-прежнему стояли часовые.

К вечеру со стороны зимника показался десяток верховых.

Первым ехал Макар Остапенко, следом тянулись остальные. Лошадей покрыл иней, башлыки у всех были запоро-

шены снегом. Моренченко держался сразу за десятником.

У правления Остапенко спешился и некоторое время молча разминал поясницу.

— Ну что? — спросил дежурный.

— Живые все, — ответил Макар.

Моренченко стянул рукавицу зубами и принялся растирать ладони.

— Неужто теперь хоть выдохнуть можно? Третий день по распадкам да пикетам крутимся. Почитай, один снег да лед перед глазами.

— Сначала коней сдайте, — сказал Остапенко. — Опосля и отдохнешь.

У правления как раз стояли Прохор, Меренский и еще несколько наших.

— Здорово бывали, — крикнул Прохор.

— Слава Богу, — ответил Остапенко. — Что у вас тут?

— Да так. Пока вы по сугробам прятались, губернатор тут все проверял да сверял.

— Павел Федорович все помнит, даже фамилии не путает, — добавил Меренский.

— Угу, большой начальник, а разговаривает нормально, — сказал Прохор.

Макар собирался вести коня к конюшне, когда Меренский окликнул:

— Остапенко, Павел Федорович и к тебе сегодня заходил. Макар остановился.

— Да ну тебя! Ко мне?

— Ага, на твой баз.

Остапенко задумался.

— И что, моя его хоть чаем напоила?

Сашка сделал совершенно серьезное лицо.

— Да куда там. Сказала: покуда мужа дома нет, другим мужчинам у нас на пороге делать нечего. Хоть губернатор, хоть сам китайский император.

Макар сначала нахмурился, а потом расправил усы и довольно произнес:

— Правильная у меня баба! И сказала правильно. Нечего! Хоть и губернатор, хоть и император, говоришь?

Моренченко первым захохотал. За ним не выдержал Прохор.

Остапенко оглядел наши лица, посмотрел на Меренского и наконец понял.

— Ах вы ж черти полосатые.

— Так губернатор и вправду заходил, — сказал я.

— А остальное, что этот тут наплел?

— Остальное Сашка уж для красного словца.

Макар хлопнул Меренского по плечу.

— Ну вы и сволочи. Третий день я свой десяток по снегу гоняю, а тут меня вместо горячего чая губернаторами да императорами пугают.

— Жена твоя его действительно видела, — подтвердил я.

— Ай!.. — Остапенко махнул рукой.

— Сашка! — раздалось из переулка. — Саша Меренский!

Мы обернулись. К правлению торопилась Прасковья Андреевна. Поверх платья накинута старый полушубок, платок съехал набок, сапоги по щиколотку в снегу.

Меренский шагнул навстречу.

— Мам, ты чего?

— Я тебя по всей станице ищу. До постов уже дошла.

— Что случилось-то?

Она ухватила сына за рукав.

— А ты чего тут стоишь? Беги жену целуй! Любаша твоя понесла.

Сашка замер.

— Куда понесла, чего?

— Ребенок у вас будет, дурья твоя башка!

Меренский моргнул.

— Какой ребенок?

Моренченко тихо кашлянул в кулак, а Прасковья Андреевна прикрыла глаза.

— Твой, Саша. Не соседский же.

Казачи заулыбались.

— Когда? — спросил Меренский.

— Ну не сегодня! Осенью, глядишь. К Михайлову дню, может, чуток позже, коли Бог даст. Чего встал как вкопанный? Ступай к Любаше.

Меренский глянул на нас.

— Я... сейчас. Передадите Овсянникову, ежели чего.

Моренченко хлопнул его по спине.

— Поздравляю, отец.

Прохор пожал руку.

— Дай-то Бог.

Сашка покраснел до ушей и сорвался с места. На втором шаге чуть не поскользнулся, ухватился за плетень и победоносно пошел дальше. Прасковья Андреевна перекрестила сына вслед и пошла за ним куда спокойнее.

Моренченко глядя вздохнул.

— Хорошая новость.

— Теперь твоя очередь, — сказал Остапенко.

— Чего ж моя-то?

— Жениться.

— Э, нет. Пока свой курень не возведу, спешить не буду. Да и не на ком. Нюрка, почитай, снова замужняя, не к Серафиме же сватов отправлять.

Казаки снова засмеялись. Сашка уже скрылся за домами.

Моренченко повернулся к нам и потер ладони.

— Ну, какие еще новости в станице? Пока мы сугробы стерегли, вы небось всего повидали.

Прохор кивнул на правление.

— Степана Анисимовича атаманом утвердили.

— Это уже слышали краем уха.

— Глеб Маркелович теперь сотник, он первую сотню собирать станет.

— Вот оно как. — Моренченко посмотрел на Прохора.

— А вы говорите, жениться! Да тут неровен час к Овсянникову в сотню пойдем.

Дежурный протянул мне тяжелый журнал нарядов.

— Андрей, Глеб Маркелович велел в кабинет занести. Там вечерние отметки.

Я взял журнал под мышку.

— Мне пора, братцы!

— Ступай, — сказал Моренченко.

Я поднялся в правление. В кабинете пахло табаком. Крестный сидел возле печи, а Овсянников за своим столом. Перед ними лежали две раскрытые книги и несколько листов.

— Вечерние отметки, ваше благородие, — положил я журнал на край стола.

— Давай сюды. — Глеб Маркелович пролистал страницы.

— Остапенко вернулся?

— Да, весь десяток.

— Добре.

Я уже повернулся к двери.

— Погодь, Андрей, присядь-ка за стол, — отложил журнал Овсянников.

— Думал я, как бы тебя с собой на службу взять. Да, видать, пока ты в приговорительном разряде, не выйдет. Но рассчитывать на тебя буду.

— И хорошо это. — Крестный усмехнулся. — Пока ваша сотня из Камня-Рыболова доберется, кто здесь хунхузов го-

нять будет?

— Вот видишь, — подмигнул мне Глеб Маркелович. — Без работы не останешься.

— Я не жалею, мне ее всегда хватает.

Овсянников вытянул из стопки лист.

— А с белой справой ты действительно здорово приду-мал. Я ее с собой прихвачу, фон Глену покажу. Если дело по уму пойдет, можно будет такую и не только в Лончаково пробовать.

Я довольно улыбнулся и кивнул. Овсянников развернул ведомость.

— Павел Федорович сегодня правильно про пригото-вительный разряд сказал. Прохор-то скоро в строевые перей-дет.

— Верно, — подтвердил крестный.

— А кто у них старшим останется?

Степан Анисимович посмотрел на меня.

— Есть тут один кандидат.

— Вот и хорошо. Времени еще достаточно. А то объявим раньше срока, Громов наш нос задерет, — рассмеялся он.

— А знаешь что, Степан Анисимович...

Он подошел к тяжелому сейфу у стены.

— День сегодня все-таки хороший. Да и чин я как-никак выслужил.

Крестный прищурился.

— Чего ты там, атаман, удумал?

Овсянников достал из кармана связку ключей, выбрал самый большой, дважды повернул в замке и с усилием открыл дверцу. Из сейфа вынул округлую бутылку из темного стекла. Этикетка была яркая, буквы английские. Часть я разобрал, а часть нет.

— Вот, все для особого случая берег, — сказал Глеб Маркелович и поставил бутылку на стол.

— Так пост же, — напомнил Степан Анисимович.

— Знаю, что пост, — Овсянников лукаво усмехнулся, — но мы не ради пьянства, а исключительно для сугрева. Тайга зимой и весной капризная, сырость кости ломит. Нам это вроде лекарства по уставу положено. Сам Павел Федорович сегодня про порционную спрашивал. Здоровье казака на границе — дело государственное. Бог простит, день-то, как ни крути, особенный.

— Добре, Глеб Маркелович. — Крестный взял бутылку за горлышко и повернул к лампе.

— Ох ты ж... Что за зелье такое?

— Французский ликер это, Степан Анисимович. Из самых парижских подвалов.

— Да ну тебя?

— Приказчик в «Кунст и Альберс» так сказал, если не сбrehал.

Овсянников повернулся ко мне. Я понял без слов и принес из соседней комнаты два маленьких стаканчика. Поставил перед ними.

Глеб Маркелович посмотрел на посуду, потом на меня.

— А ты что это, Громов? Не желаешь, выходит, с чином меня поздравить?

— Так служба же, ваше благородие. Не положено.

Он повернулся к крестному.

— Ну, раз такое дело, придется у атамана разрешения спрашивать. Степан Анисимович, дозволите освободить Громова от службы на сегодня?

Крестный погладил усы.

— Я еще не атаман.

— Завтра уже станешь, поэтому привыкай.

— Тогда дозволяю, но только ненадолго. Чтобы это освобождение у него в самовольный отпуск не превратилось.

Овсянников махнул рукой.

— А я своим распоряжением подтверждаю. На сегодня от службы свободен, Громов. Вот видишь, никакого нарушения.

Я пошел за третьим стаканчиком, а когда вернулся, Овсянников кивнул на дверь.

— Прикрой. На ключ.

Глеб Маркелович снял сургуч и принялся вытаскивать пробку. Та долго не поддавалась, потом вышла с тихим хлопком.

В комнате запахло апельсином. Вспомнился рынок в Коломбо, где мы с дядей покупали кокосовые орехи.

Крестный втянул носом воздух.

— Лимонником каким пахнет, что ли?

— Это мандарины! — улыбнулся Овсянников и наклонил бутылку.

Из горлышка потекла густая синяя жидкость.

Я даже подался ближе. Цвет был такой, будто кусок летнего неба умудрились запихнуть в бутылку.

— Глеб Маркелович, — Степан Анисимович отодвинул свой стакан, — ты уверен, что оно питьевое?

— За такие деньги по-другому не может быть.

— А почему синее?

— Вот тут, Степан Анисимович, история целая о том написана.

Овсянников разлил понемногу и поставил бутылку на стол.

— Ну, за новый чин, — сказал крестный. — Чтобы служба шла как положено и казаков своих к женам в станицы целыми возвращал.

— Благодарствую.

Мы тихо чокнулись и выпили. Сначала я почувствовал сладость, потом горечь апельсиновой корки, а следом тепло прокатилось от горла вниз.

— Ну как оно? — спросил Овсянников.

— Сладкое.

— И все?

— Пока все.

Крестный pokrивился.

— Наша водка честнее, сразу знаешь, зачем пьешь.

— А ты погоди.

Глеб Маркелович снова разлил по чуть-чуть.

— Так чего оно синее-то, Глеб Маркелович?

— А вот слушай. Мне приказчик о том рассказывал. Испанцы, значит, везли кораблями сладкие мандарины на какие-то свои острова. Жара, сырость, трюмы тесные. Пока довезли, весь груз испортился.

— Хорошее начало, — крикнул крестный.

— Не перебивай. Плоды стали горькими, корка сморщилась. Испанцы плевались, выбросить все хотели.

— Ну а куда их еще?!

— Да погоди, слушай! Рядом голландские матросы ошивались. Те корки подобрали, высушили и на чистом спирте настояли.

Крестный посмотрел на синеву в стакане.

— Значит, испанец добро выбросил, голландец подобрал, француз потом тебе продал?

— Почти так и выходит. Для красоты они еще выкрасили напиток в цвет тропического моря. А французы рецепт переняли.

Степан Анисимович покачал головой.

— Все понятно. Испанцы испортили мандарины, голландцы залили их спиртом, французы покрасили, а русский офицер за все это должен платить?

Я рассмеялся и почему-то не сразу смог остановиться.

Вроде ничего особенного крестный не сказал, а меня разобрало.

Овсянников тоже засмеялся.

— Вот ты хохочешь, Андрюха, а бутылка мне почти в пять рублей встала.

Я перестал смеяться.

— Чего... Пять?!

— Вот теперь вкус почувствовал?

Второй тост был за станицу.

Овсянников рассказывал про фон Глена, крестный спорил, сколько людей можно снять весной с дальних постов. Я слушал и примечал, что язык мой стал развязываться.

Это было опасное открытие. Я прикусил губу и отставил свой стаканчик. Разговоры про службу лучше оставить старшим, особенно сейчас.

Третий раз налили совсем немного.

— Тогда за молодых, — сказал крестный, — чтобы росли быстрее, чем мы стареем.

— Поддерживаю, — сказал Овсянников.

Я выпил, поставил стакан и понял, что, похоже, уже захмелел. Не так, чтобы потолок ездил или стол куда-то уходил. Все было на месте. Только когда захотел отодвинуться, ноги оказались слегка ватными.

Крестный допил свое и причмокнул.

— Нет. Все одно самогон забористее.

Прошло еще минут десять. Степан Анисимович поднял-

ся, задержался возле стола и прислушался к себе.

— Хотя тихо идет, зараза. А забирает крепко.

— Я же говорил, — довольно ответил Глеб Маркелович.

В бутылке осталось больше половины. Овсянников закупорил ее и вернул в сейф.

— На сегодня будет. А то завтра один атаман на присягу не доедет, другой сотню прямо здесь собирать начнет.

Мы оделись и вышли. Овсянников застегнул полушубок только до середины и окликнул крестного:

— Степан.

Тот остановился. За весь день я впервые услышал, чтобы Глеб Маркелович назвал его так, просто по имени.

— Да, Глеб.

Они посмотрели друг на друга. Потом Овсянников шагнул ближе и обнял крестного. Тот ответил так же. Нынешний и завтрашний атаманы несколько раз хлопнули друг друга по спинам, потрясли за плечи.

— Ты станицу-то нашу береги, — сказал Глеб Маркелович.

— Будь покоен! А ты там тоже Лончаково не опозорь. Будем гордиться всем обществом, что из нашей станицы такой командир вышел!

— Постараюсь уж, — улыбнулся тот.

До отъезда Овсянникова еще оставалось время. Завтра предстояли присяга и передача дел, потом новые хлопоты. Но вот так, без бумаг и чужих глаз, они могли больше и не

поговорить.

Глеб Маркелович повернулся ко мне.

— Ну и ты, Андрюха, не дуркуй тут без меня.

— Будет сделано, Глеб Маркелович, не дурковать!

Он протянул руку. Я пожал ее, но Овсянников неожиданно притянул меня к себе и крепко хлопнул по плечу.

— Береги себя, братец. И за станицей приглядывай.

— Вы тоже себя берегите.

— Уговор!

Овсянников махнул нам рукой и пошел к своему куреню. Мы с крестным двинулись дальше вместе. Несколько десятков шагов шли молча. Мороз щипал за нос, а под сапогами поскрипывал снег.

Степан Анисимович покосился на меня.

— Ну как?

— Чего как?

— Ноги-то слушаются?

Я сделал еще пару шагов, проверяя себя.

— Слушаются, а как еще?!

— По-всякому бывает, — хмыкнул крестный.

У его двора мы остановились.

— Все, Андрей, ступай к жене, пока совсем не околел.

— Ангела ко сну, Степан Анисимович.

— Спаси Христос, крестник.

До своего куреня дошел без приключений. Дверь в сени оказалась не заперта. Я потише снял сапоги, повесил полу-

шубок и шагнул в горницу. Саша сидела у лампы с шитьем. Услышав меня, подняла голову.

— Андрей?

— Я.

Она отложила иглу.

— Ты чего так поздно?

— Дела были, атаман задержал.

Саша подошла ближе и замерла.

— Андрей, тебе что, плохо?

— Да нет, очень даже хорошо.

— А чего ты такой красный?

— Дык морозец нынче.

Она прищурилась, посмотрела на мои губы.

— Господи... Андрей.

— Чего?

— Губы-то, гляди, у тебя как у покойника. Синие все. Ты точно хорошо себя чувствуешь? Пошли давай к Юдинцеву!

Я провел языком по губе.

— Очень хорошо.

Саша подошла совсем близко, повела носом и сразу все поняла.

— Ты пил, что ли?

— Чутка, малехонько. — Я показал двумя пальцами.

— Я тебя таким никогда не видела.

— Да я и сам тоже. — Я пожал плечами.

Она несколько мгновений смотрела на меня, потом не вы-

держала и засмеялась.

— А губы отчего синие-то?

Я попытался вспомнить рассказ Овсянникова. Испанцы, голландцы, французы, мандарины. Почему-то в голове все перемешалось.

— Японцы виноваты.

— Какие еще японцы?

— Мандарины везли. Заплесневели. Потом их спиртом, значится... В общем, сложная история была...

Саша приложила ладонь ко рту, чтобы не рассмеяться громко.

— Так ты теперь еще и с японцами якшаешься?

— С Овсянниковым и с крестным.

— Ну тогда другое дело.

Я прошел к столу и сел. Лавка оказалась чуть дальше, чем я рассчитывал, но нащупал ее пятой точкой все-таки вовремя.

— Ой, Андрюша... — Саша заметила мою неловкость.

— Нормально все.

— Да уж, вижу...

Она принесла воды. Я выпил половину кружки.

— Саша.

— Что?

— У нас новости. Глеб Маркелович теперь сотник. Крестный — атаман.

— Это я уже знаю, тоже на площади была.

— А я, может, у приготовительного разряда старшим буду.

Она перестала улыбаться.

— Это когда еще?

— Не сейчас. Вот как Прохор в сотню уйдет. Овсянников предложил, говорит, что кандидат имеется.

Я наклонился к ней.

— А еще Павел Федорович сказал, что через год-два по-может мне в Иркутское юнкерское поступить. Когда приготовительный разряд закончу. Только ученье там не простое и экзамены еще выдержать надо.

Саша застыла.

— Куда?

— В Иркутск.

— Учиться?

— Ну да.

Она медленно села напротив.

— Это ж сколько мне тебя ждать придется?

Я нахмурился.

— Зачем ждать?

— А как?

— Вместе поедem. Пока я учиться стану, ты своим швейным делом займешься. Там город большой, людей много. Глядишь, и заказы будут.

Саша посмотрела на меня внимательнее.

— А дом? А пасека?

Я оглядел горницу. Только обжились, а у меня на словах уже получалось взять да уехать. Саша об Иркутске услышала впервые. Мне там учиться, а ей снова привыкать к чужому месту, заводить дом и хозяйство.

— До этого еще два года почти. Дожить надо. Там уж и разберемся.

— Вот ты легко говоришь.

— Такие предложения губернатор каждый день не делает. И потом... Ты же сама хотела быть женой урядника. А тут, глядишь, офицерской женой станешь. Вернее, не так: жена хорунжего Громова Андрея Васильевича. Ну как звучит?

— Звучит, Андрей. Хоть генералом зовись, да только для меня ты всегда мой Андрюша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.